

64
55

2343

МАГИЧЕСКІЯ

ОЧКИ.

СОЧИНЕНІЕ

ИЗДАТЕЛЬ ИВАНОВИЧЪ

И. Штевена.

Въ Санктпетербургѣ, въ Типографіи Ивана Штевена, 1845 года.

ЧАСТЬ 2.

Санктпетербургъ.

1845.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, представлено
было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное
число экземпляровъ. Марта 15-го 1845 года.

Ценсоръ А. НИКИТЕНКО.

48935-41

ВЪ ТИПОГРАФІИ А. ЮГАНСОНА.

МАГИЧЕСКІЯ ОЧКИ.

Л. А. Р. И. Ч. А. И.

Я увѣренъ, что читатель сдѣлаетъ во-
просъ? Дьяволъ или Мафусъ подружился
съ Розальмомъ, доставилъ къ нему въ
домъ услугу, карету, и прочее? Дѣйст-
віе происходило нѣсколько часовъ, а по
словамъ людей они наняты прежде и
получили за годъ жалованье. Притомъ
герой пролетѣлъ съ духомъ болѣе ста
верстъ, видѣлъ, слышалъ, разсуждалъ и
спорилъ — выпущенъ изъ виду, и чита-
тель объ этомъ чудакѣ, кромѣ имени, ни-
чего не знаетъ? Въ такомъ случаѣ ав-

торъ долженъ удовлетворить весьма справедливое любопытство.

Приведите на память все читанное, слышанное, о духахъ, домовыхъ, привидѣнiяхъ, и не дивитесь, если Мафусъ происшествiе, должное по порядку вещей исполниться въ нѣсколько сутокъ, свершилъ въ часъ, а можетъ статья и меньше. Когда Розальмъ устремилъ все вниманiе къ повѣсти Антона Ивановича, онъ полетѣлъ внутрь города, отыскалъ людей, вещи, перенесъ въ жилище прiятеля, усыпилъ первыхъ и, посредствомъ адскаго искусства, въ разумѣ напятахъ слугъ самое краткое происшествiе превратилъ въ нѣсколько отдаленное.

Если этотъ случай покажется невѣроятнымъ, а доказательства слабы, то возьмите сочиненiя въ честь героевъ, прочитайте похвальные слова богачамъ, оды, письма и цѣлыя творенiя въ похвалу откунщиковъ и многихъ лицъ, которымъ повара и погребщики доставляютъ без-

смертiе! Прочитайте историковъ настоящаго времени, тогда увидите еще болѣе чудесъ, и дѣйствiя Мафуса сочтете возможными; относительно жъ Розальма, то прочитайте повѣсть его жизни.

Отецъ Розальма, потомокъ Ливонскихъ рыцарей, имѣлъ значительное имѣнiе на самой границѣ Россiи; имѣлъ умъ, образованiе, добрыя качества, открытую душу и готовность служить ближнему; молодость и лучшiя лѣта жизни посвятилъ военной службѣ, прiобрѣлъ имя храбраго воина; оставивъ военное званiе, думалъ по гражданской доставить собою полезнаго обществу члена, но счастье ему не послужило; онъ говорилъ правду, исполнялъ должность честно, запиралъ двери пронырливымъ искателямъ и всѣмъ казался упрямымъ, своеправнымъ человекомъ.

Натурально, такой чудакъ становился всѣмъ въ тягость; онъ самъ это почув-

ествовалъ, взялъ отставку и возвратился въ деревню.

Скоро молодая дѣвица понравилась ему; онъ узналъ о нравѣ, умѣ красавицы, и что она получила не блестящее, а нужное воспитаніе, могла составить счастье человѣка, предложилъ ей руку; тутъ, довольный судьбою, въ объятіяхъ милой жены забылъ шумъ свѣта и всѣ непріятности, нераздѣльныя съ нимъ.

Прекрасный мальчикъ умножилъ счастье отца семейства. Можно повѣрить, что сосцы наемницы не питали ребенка; мать думала, что природа наградила женщину прекрасною грудью не къ одному прельщенію взоровъ, а къ полезнѣйшему употребленію.

Маленькій Розальмъ началъ выростать, и самъ отецъ сталъ ему наставникомъ: онъ боялся и не любилъ гувернеровъ; нѣкоторыя лица этихъ господъ казались ему запрещеннымъ товаромъ.

Въ шестнадцати-лѣтній возрастъ сына

онъ снова простился съ мирнымъ жилищемъ, переѣхалъ въ столицу, чтобъ показать свѣтъ и доставить приличное воспитаніе единственному наслѣднику.

Между тѣмъ, испытавъ склонности юноши, замѣтилъ въ немъ способности война, и рѣшился удовлетворить желаніе сына.

При всѣхъ отличныхъ качествахъ отецъ Розальма вмѣшалъ въ себѣ гордость; онъ не хотѣлъ проложить путь сына къ новой жизни обыкновенными средствами, и избралъ совершенно противныя; отправилъ его за границу, совѣтовалъ вступить въ иностранную службу, стараться пріобрѣсть почести и возвратиться въ блестящемъ видѣ.

Молодой Розальмъ исполнилъ волю отца, вступилъ волонтеромъ въ гусарскій полкъ въ чинѣ поручика, скоро сталъ извѣстенъ въ кругу новыхъ товарищей, многими любимъ, уважаемъ, и многими ненавидимъ (общая участь достоинствъ). Болѣе всѣхъ питалъ къ нему

неудовольствіе родственникъ шефа полка, въ которомъ служилъ Розальмъ.

Наступила война, Розальмъ отличался блестящими порывами храбрости; но это не спасло его отъ зависти и злобы.

Во время перемирія, на одномъ балу онъ сидѣлъ возлѣ прелестной молодой дѣвицы и не оставленъ ею безъ вниманія;

это замѣтилъ родственникъ шефа, подошелъ къ сосѣдкѣ товарища, пустился въ разговоры и наконецъ о военныхъ дѣй-

ствіяхъ; дѣвица слушала охотно и спросила: чѣмъ онъ отличился отъ товарищей?

«Сударыня! отвѣчалъ пришептывая дядюшкинъ племянникъ,—скромность за-

прещаетъ хвалить себя; но желаніе ваше есть законъ. Я ворвался въ непрі-

тельскую колонну съ малымъ числомъ гусаръ; схватка вышла ужасная; я рубилъ,

рука обомлѣла, сабля притупилась, особенно, какъ отрубилъ ногу одному огром-

ному кирасиру!.....»

«Сударыня! отвѣчалъ пришептывая дядюшкинъ племянникъ,—скромность за-

— Ахъ Боже мой! перехватила дѣвица, какъ вы жестоки! Такая смерть мучительна. Лучше бы отрубить ему голову!

Розальмъ слышалъ весь разговоръ, обратился къ дѣвицѣ:—«Сударыня, укирасира, которому храбрый мой товарищъ отсѣкъ ногу, головы уже не было: ее отстрѣлили ядромъ въ самомъ началѣ сраженія.»

Красавица засмѣялась; насмѣшка Розальма, перелетѣвъ шопотомъ, стала извѣстна всѣмъ и обратилась въ анекдотъ. Этотъ случай произвелъ явную ссору, которая нанесла величайшія непріятности Розальму.

Съ окончаніемъ войны онъ вышелъ въ отставку, возвратился на родину, и снова испыталъ несчастіе; мать отдала послѣднюю дань природѣ, отецъ скоро послѣдовалъ за нею; имѣніе находилось въ рукахъ родственниковъ; они, управляя имъ, совершенно разстроили, а деньги и вещи захватили въ виду вѣр-

ныхъ служителей, и помѣстье требова-
ло времени, чтобъ получить первое
положеніе. Въ такомъ видѣ отставной
воинъ нашелъ домъ свой.

Пораженный кончиною родителей, онъ
впалъ въ глубокую меланхолію, и вре-
мя, исцѣляющее душевныя раны, не
успокоило; одна только необходимость
заставила обратиться къ домашнему хо-
зяйству и сельскимъ занятіямъ.

Исправивъ по возможности дѣла, Ро-
зальмъ началъ разсуждать о новомъ
образѣ жизни. Деревня казалась ему
несносна; всякой предметъ напоминалъ
невозвратную потерю; онъ вспомнилъ о
гражданской службѣ отца, отыскалъ нѣ-
которыя записки его, примѣчанія, срав-
нилъ съ происшествіями своей жизни,
составилъ новый планъ — предполагаемый,
и отправился въ столицу. Одинъ двою-
родный, безкорыстный дядя, за уступку
части земли съ тремя семействами, до-
ставилъ молодому родственнику мѣсто,

подъ начальствомъ случайнаго вельможи.

Примѣръ отца и собственный опытъ
перемѣнили поступки искателя счастья,
а кирасирская нога часто напоминала,
что въ образованномъ свѣтѣ не рѣдко
одно слово имѣетъ вліяніе на всю жизнь
человѣка.

И вотъ Розальмъ въ новомъ мірѣ!
Окруженъ новымъ товариществомъ, въ
огромныхъ комнатахъ, гдѣ не рѣдко про-
стой, обыкновенный предметъ означает-
ся въ иносозначительномъ видѣ; гдѣ, ка-
жется, сама атмосфера покорена времени
и случаю. Розальмъ увидѣлъ, какъ люди
бѣгають, суетятся, ползаютъ съ умиль-
нымъ лицомъ, ласковой улыбкой, рази-
нутымъ ртомъ, какъ нищіе протягива-
ютъ руки, устремивъ взоры къ дверямъ
кабинета, за которыми существо, подоб-
ное кумиру, сидитъ спокойно въ крес-
лахъ, и подобно дельфійскому оракулу,
однихъ заставляетъ плакать, а другихъ
благословлять прорицалище.

Въ такомъ кругу добрый Розальмъ пустился искать счастья, подражалъ своимъ товарищамъ, перенималъ ихъ приемы, ласкалъ, осыналъ учтивостями всѣхъ безъ различія, пожималъ руки тѣмъ, которыхъ презиралъ, смѣялся, когда чувствовалъ скуку, и вздыхалъ, когда хотѣлъ смѣяться. Въ угодность случайныхъ покровительницъ—читалъ имъ модные журналы, поносилъ безъ пощады всѣхъ, кто имъ не нравился, хвалилъ отвратительныя лица, а прекрасныя называлъ уродливыми; хаживалъ на поклонъ къ управителю, камердинеру, горничной; услуживалъ кстати подарками, и ожидалъ плодовъ обильнаго посява!

Теперь читатели подумаютъ, что Розальмъ измѣнился, забылъ наставленіе отца, свои правила; благородныя чувства покорилъ необходимости, и сталъ подобенъ тѣмъ, которыхъ презиралъ? О нѣтъ! Совершенно нѣтъ! Розальмъ всегда одинаковъ, добръ, честенъ, справедливъ, но

опытъ показалъ ему, что красота души есть опасная вывѣска, которую должно скрыть, и выставить личину!

Розальмъ часто думалъ о своемъ положеніи и сравнилъ себя съ актеромъ: тотъ, вступивъ по контракту въ театральную дирекцію, долженъ вытверживать роли: въ трагедіи, драмѣ, комедіи говорить, дѣйствовать по приказанію автора, выражать пантомимой и словами то, чего не чувствовалъ, увѣрить себя, что мишурный галунъ, при обманчивомъ свѣтѣ, превосходитъ настоящій, съ рукоплесканіями публики пожинать минутныя лавры и, пользуясь слезами, смѣхомъ, а иногда и свистомъ зрителей, обезпечить дни свои!

Все шло своимъ порядкомъ, все казалось къ лучшему, и вдругъ внезапный случай разрушилъ планы и надежды. Читатели, конечно, помнятъ первую часть этой книги, помнятъ, какъ духъ говорилъ о разсудкѣ, секретарѣ, вельможѣ и послѣдствіяхъ.

Два года тянулось дѣло по жалобѣ г. Б.... Розальмъ потерялъ значительную часть имѣнія, оправдался, и съ большею выгодною: онъ получилъ полное понятіе объ экстрактахъ, выпискахъ, опредѣленіяхъ, секретарскихъ обѣдахъ, судейскихъ ужинахъ, и о прочемъ; разстроивъ совершенно свое имѣніе, ему не хотѣлось показаться сосѣдямъ въ дурномъ положеніи; онъ рѣшился остаться въ столицѣ, испытать счастье въ другой службѣ; въ этомъ предположеніи явился къ одному случайному покровителю.

Господинъ Хи... знавалъ прежде Розальма, принялъ вѣжливо, и потребовалъ аттестата о службѣ! Проситель вручилъ и милостивый патронъ ужаснулся.

— Возможно ли, сударь! Вы за границую и здѣсь судились, и просите мѣста?

«Потрудитесь взглянуть на аттестаты, и вы увидите, что я невиненъ.»

— Вѣрю, сударь, очень вѣрю, а извините— принять не могу. И точно г. Хи... имѣлъ отвращеніе къ подобнымъ документамъ: онъ самъ девять разъ находился подъ судомъ.... но Богъ съ нимъ! Не наше дѣло судить о томъ. Онъ умѣлъ изворотиться, маленькія продѣлки облагородить, отъ большихъ увернуться; теперь все скажутъ, что г. Хи... отказалъ по справедливости Розальму: онъ судилъ о другихъ по своимъ аттестатамъ.

Искатель не унывалъ: по первой службѣ онъ имѣлъ знакомство съ откупщикомъ, и обратился къ нему.

«Съ охотою, сударь! отвѣчалъ старый знакомецъ, съ охотою; только вамъ должно выдержать экзаменъ.»

— Извольте! Я учился исторіи, математикѣ, словесности и....

«О нѣтъ, сударь! Нѣтъ! Совсѣмъ не то! Вы меня не поняли. У насъ другія науки: вамъ должно знать употребленіе волчка, гидрометра, отжигательницы,

приметаться къ приему и отпуску вина, смотрѣть за винопродавцами, умѣть поймать въ обмѣръ, фальшъ, порчѣ полугара и прочемъ....»

— Къ этому я скоро надѣюсь привыкнуть; тутъ машинальное дѣло.

«Извините, сударь! Такія занятія довольно трудны. Они требуютъ: опытности, быстроты и природной способности. Если вамъ угодно вступить кандидатомъ, то года черезъ два я помѣшу васъ на вакансію.»

— А въ ожиданіи!... какое назначите мнѣ жалованье?

«Кандидаты не имѣютъ жалованья.» — Съ такимъ отвѣтомъ Розальмъ поклонился и вышелъ.

Получивъ два отказа, онъ вспомнилъ еще объ одномъ покровителѣ; тотъ пользовался его услугами, принялъ вѣжливо, пожалъ дружески руку, и сказалъ:

«Милости прошу, старый знакомецъ! Я слышалъ, что вы опредѣлились къ ми-

нистру. Сердечно тому радъ. Конечно, пожаловали съ хорошими вѣстями?»

— Напротивъ, я въ самомъ дурномъ положеніи: ишу мѣста, и прибѣгнулъ къ вашему покровительству.

«Право! Садитесь. Въ чемъ нужны мои услуги?» Розальмъ началъ рассказывать, не утаилъ малѣйшей подробности, и открылъ чистосердечно, что послѣднюю надежду имѣеть въ его пособіи.

«Очень жаль, — отвѣчалъ нахмурясь покровитель, очень жаль, что не въ силахъ вамъ услужить. Нѣтъ, сударь, мѣста, всѣ ваканціи заняты. Прощайте! Навѣдайтесь въ другое время...»

Молодой человекъ сѣтовалъ на судьбу свою и не зналъ, что она улыбнулась къ нему. Одинъ богатый родственникъ, пріѣхавъ изъ Америки въ столицу, внезапно умеръ, и какъ не имѣлъ дѣтей, то значительную недвижимость, и триста тысячъ рублей отказалъ въ наслѣдство племяннику. Неожиданное счастье при-

вело въ восторгъ Розальма; онъ рѣшился оставить столицу, уѣхать въ имѣніе, и тамъ забыть всѣ неудовольствія, которыя испыталъ. Онъ торопился изъ города, какъ отъ чумы, въ нѣсколько дней приготовился къ отъѣзду, и когда подвезли къ крыльцу дорожную коляску, то подали ему вдругъ пять писемъ отъ самыхъ тѣхъ особъ, посредствомъ которыхъ онъ искалъ мѣста; они съ учтивостію приглашали занять, какія ему угодно, и тѣмъ доставить удовольствіе служить съ такимъ достойнымъ подчиненнымъ. Розальмъ велѣлъ ударить по лошадамъ, и скакать отъ учтивыхъ покровителей!

Скоро обветшалый домъ пришелъ въ цвѣтущее положеніе; бѣдность жителей обратилась въ изобиліе; земледѣльцы охотно исполняли волю добраго помѣщика: она клонилась къ общей пользы ихъ. — Ставъ благодѣтелемъ родоваго участка, онъ разливалъ пособія и на чуждыхъ

ему; ни одинъ бѣднякъ не выходилъ изъ дому безъ пособія, а несчастный безъ утѣшенія; если же кому не могъ услужить, то отпускалъ безъ оскорбленія; онъ помнилъ, что самъ былъ бѣденъ, несчастливъ, помнилъ, какъ его принимали!

Скоро новый помѣщикъ сталъ извѣстенъ сосѣдямъ; всѣ искали съ нимъ знакомства, и не раскаявались въ томъ; онъ принималъ посѣтителей охотно; за дружескимъ столомъ угощалъ безъ роскоши, но съ избыткомъ; занимался съ богатыми и бѣдными равно, не дѣлалъ предпочтенія первымъ; съ учеными разсуждалъ о классическихъ предметахъ, и не выставялъ умъ предъ тѣмъ, кто не имѣлъ случая учиться. Казался веселъ безъ излишества, скромень безъ угрюмости, принималъ шутки отъ всѣхъ, и самъ шутилъ безъ колкости. Свободную часть времени проводилъ въ библіотекѣ, вставалъ рано, осматривалъ въ полѣ ра-

боты крестьянъ, ѣздилъ на охоту, иногда къ сосѣдямъ, и въ короткое время забылъ прошедшія огорченія, военные подвиги, гражданскую службу, и шумъ свѣта. — Онъ проходилъ мысленно жизнь свою, и часто спрашивалъ себя: за что переносилъ обиды, огорченія, несправедливость? Имѣвъ наследственный кровъ, жертвовалъ всѣмъ для пустыхъ предположеній, на чужбинѣ подвергалъ опасности жизнь, чтобъ съ блескомъ возвратиться въ отечество, потомъ игралъ ролю, не свойственную чувствамъ и сердцу, искалъ чиновъ, отличія, богатства, тогда какъ въ мирной тишинѣ имѣлъ истинное счастье?

Такъ разсуждалъ двадцати—пяти лѣтній философъ, смѣялся надъ глупостію людей, а болѣе своею; не понималъ, какъ прежде не образумился и ловилъ счастье, какъ дитя ловить убѣгающую тѣнь свою! Имѣвъ возможность существовать безъ пособія людей, мечталъ, что они

необходимы къ счастію жизни! Такъ мыслилъ Розальмъ, и довольный всѣмъ, вдругъ почувствовалъ недостатокъ: одиночество становилось ему скучнымъ; онъ рѣшился искать подруги.

Прошелъ годъ, а невѣсты нѣтъ! Онъ видѣлъ многихъ красавицъ; инныя казались ему слишкомъ воспитаны, другія совершенно глупы, нѣкоторыя развязны до излишества, а многія скромны, какъ воспитанницы при учителяхъ, но всѣ искали руки Розальма. Это весьма естественно: кто молодъ, прекрасенъ, богатъ, тому неудивительно имѣть сотни невѣстъ.

Въ одно утро холостякъ сидѣлъ пригорюнясь у окошка, смотрѣлъ въ садъ, думалъ... про невѣсту—человѣкъ подаетъ ему записку.

Господинъ баронъ фонъ Хунгеръ-Штольцъ пріѣхалъ изъ столицы съ семействомъ своимъ; онъ приглашалъ на вѣстить свой замокъ; учтивый сосѣдъ не заставилъ себя ожидать, и въ свобод-

ное время, верхомъ, съ однимъ человѣкомъ, отправился къ нему.

Подѣхавъ близко, искалъ глазами помѣстье и зрѣніе измѣнило ему; онъ спросилъ человѣка: гдѣ замокъ? Вотъ, сударь, отвѣчалъ служитель, указавъ направо.

— Ты съ ума сошелъ! Это груда каменьевъ, а въ окрестностяхъ нѣсколько бѣдныхъ хижинъ.....

«Домъ, или какъ изволите называть, замокъ, лѣтъ восемьдесятъ требовалъ починки; дѣдушка, батюшка, и самъ г. баронъ не имѣли возможности его поддерживать; онъ развалился, и теперь состоитъ въ нѣсколькихъ комнатахъ; въ нихъ баронская милость съ семействомъ изволитъ помѣщаться.

На пустомъ дворѣ Розальмъ оставилъ лошадь человѣку, вошелъ въ первую комнату и просилъ служителя доложить о себѣ. Лакей исправлялъ должность швейцара, камердинера, докладчика, дворецкаго, егеря и секретаря, — побѣжалъ съ

докладомъ отворивъ гостю слѣдующую дверь. Розальмъ вошелъ въ огромную готическую залу; въ ней увидѣлъ одинъ столъ, нѣсколько стульевъ о трехъ ножкахъ, и стѣны, увѣшанныя старыми изорванными портретами въ запачканныхъ рамахъ.

Слишкомъ часъ онъ ждалъ аудіенціи; наконецъ баронъ вышелъ, въ огромномъ Испанскомъ парикѣ, старомъ бархатномъ кафтанѣ, оборванныхъ шелковыхъ чулкахъ, при шпагѣ и шапо-ба; онъ имѣлъ высокій ростъ, былъ худощавъ, сутуловатъ, съ длиннымъ лицомъ, багровымъ носомъ и впадшими щеками; вся наружность изображала нѣчто особенное, смѣшное и жалкое въ существѣ искаженнаго человѣка.

Со всею нѣмецкою гордостію баронъ приступилъ къ изумленному Розальму, осыпалъ надутыми привѣтствіями, и показавъ на портреты, началъ вычислять свою родословную. «Такъ, сударь! продол-

жалъ хозяинъ: я могу смѣло увѣрить, что фамилія моя самая древняя; но время поглотило родоначальника съ потомками, это одни остатки. — Вотъ это первый: онъ оставилъ хронологическую вѣтвь Хунгеръ-Штольцевъ; портретъ писанъ въ Крестовый походъ. Онъ причитался въ родствѣ знаменитому Годфриду, королю Иерусалимскому; слѣдующій за нимъ нанесъ ужасъ потомству Саладина. Этотъ воинъ съ большимъ крестомъ, въ малолѣтствѣ служилъ пѣвчимъ папѣ Римскому, потомъ кардиналомъ, и наконецъ сталъ полководцемъ Крестовыхъ рыцарей. Эта дѣвица причиталась въ родствѣ первосвященнику, и по женскому колѣну, произвела множество потомковъ въ нашемъ родѣ, подъ другими фамиліями. Я со временемъ покажу вамъ родословную и гербъ; они ясно удостовѣрятъ о нашемъ происхожденіи. Такъ, сударь, часто по цѣлымъ днямъ я разсматриваю эти драго-

ле памятники, бесѣдую съ ними, восхищаюсь древностію рода и горжусь, что могу оставить единственной дочери моей столь богатое наслѣдство!» — Тутъ баронъ снова началъ вычислять имена предковъ, со всѣми подробностями, съ означеніемъ художниковъ, которые имѣли счастье снимать портреты. Разсказъ продолжался долго, Розальмъ начиналъ скучать и раскаяваться, что заѣхалъ въ портретную гошпиталь. Хозяинъ не замѣчалъ скуки гостя, продолжалъ съ жаромъ свою хронологию, и который портретъ казался оборванныѣ другихъ, надѣтъмъ онъ болѣе трудился описаніемъ.

Терпѣніе оставило сосѣда; онъ рѣшился откланяться. Вдругъ вошла повариха въ видѣ камеръ-юнгферы, и сдѣлавъ книксенъ, просила въ гостиную, гдѣ дамы ожидаютъ завтракать.

Худошавая баронесса съ толстою сестрицею едва привстали съ дивана (если такъ можно обозначить доску съ периль-

цами, обитою за нѣсколько лѣтъ цвѣтною кожей); Розальмъ поздравилъ хозяевъ съ прїѣздомъ, и занялъ мѣсто въ срединѣ высокоименитой фамиліи барона. Супруга съ сестрицей показались ему не умѣе, и заглушили разсказами о столицѣ, родствѣ, случаяхъ, большомъ знакомствѣ. Въ это время подали трубки, и завтракъ, весьма сходный съ мебелью и портретами. Баронъ оказалъ честь, выпилъ первую рюмку кислаго вина за здоровье гостя; дамы, подражали ему; все происходило важно, по темпамъ; Розальмъ благодарилъ, и подумалъ, что сидитъ въ Нѣмецкомъ театрѣ, гдѣ во всякомъ дѣйствіи пьютъ, ѣдятъ и курятъ табакъ.

Скучное для Розальма положеніе внезапно перемѣнилось приходомъ молодой баронессы; онъ оцепенѣлъ отъ удивленія, увидѣвъ стройную, прекрасную дѣвицу, не болѣе семнадцати лѣтъ: — «Юлія, сказала мать, этотъ господинъ нашъ сосѣдъ;

онъ имѣетъ честь посѣтить замокъ! Благодарите за учтивость!»

Дѣвица прїятно поклонилась, сказала нѣсколько словъ; Розальмъ подошелъ къ ней, разговоръ сталъ живѣе. Юлія воспитывалась въ столицѣ въ модномъ пансіонѣ мадамъ Тру-Тру, видала общества, и умѣла занять гостя.

Время летѣло, Розальмъ восхищался разговоромъ прелестной дѣвицы, тафель-декеръ доложилъ, что кушанье подано, онъ съ охотою согласился отобѣдать съ ними, подалъ руку Юліи, баронъ супругѣ, а сестрица съ москвою заключили церемоніальный ходъ въ столовую.

Картофельный супъ, жаркое съ разными салатами, составляли весь обѣдъ. Розальмъ сидѣлъ напротивъ баронессы, не касаясь блюдъ, насыщался ея взорами и — учтивость понравилась дѣвицѣ. На вопросы Розальма она отвѣчала съ улыбкою, что не думала въ деревнѣ встрѣтить столь прїятное развлеченіе.

Обѣдъ окончился. Баронъ повелъ со-
сѣда въ звѣринецъ; въ немъ занимали
первое мѣсто четыре овцы съ бараномъ,
и двѣ пары кроликовъ; хозяинъ овецъ
назвалъ ангорскими, описалъ ихъ свой-
ства, лѣта и предположеніе завести ов-
чарню для суконной фабрики; а барана
осыпалъ похвалами, называлъ пріателемъ,
имѣющимъ удивительное понятіе; и точ-
но, рогатая скотина по первому знаку
стала въ позицію, приготовилась бодать-
ся и стукнуть лбомъ господина.

Изъ звѣринца пошли въ садъ, зарос-
шій травою; нѣсколько фруктовыхъ де-
реьевъ, обломанная скамейка, статуя
безъ рукъ и носовъ, и шалашъ, состав-
ляли изобиліе плодовъ и украшеніе. Ба-
ронъ увѣрялъ, что статуя привезены изъ
Рима, работы первыхъ художниковъ, а
шалашъ называлъ бесѣдкою древней архи-
тектуры.

Онъ показывалъ все за рѣдкость; дѣ-
вица красѣла, учтивый сосѣдъ не спу-

скалъ съ нее глазъ, и все хвалилъ; на-
сталъ вечеръ, Розальмъ просилъ позволе-
нія навѣщать замокъ, и все баронское
семейство объявило торжественное со-
гласіе; онъ имѣлъ счастье понравиться
ему. Господинъ фонъ-Хунгеръ Штольцъ,
первый разъ въ жизни рѣшился прово-
дить гостя до границъ своего владѣнія.
Правда, такая учтивость не составила
большой трудъ, и стоила не болѣе пяти-
десяти шаговъ.

«Что со мною сдѣлалось? думалъ Ро-
зальмъ. Баронесса меня очаровала! Цѣ-
лый годъ я искалъ дѣвицы, не нахо-
дилъ, увидѣлъ Юлію, и, кажется, окон-
чилъ предметъ исканій. Однако жъ это
сумасшествіе: видѣть нѣсколько часовъ,
заняться малое время — и начать лю-
бить! Она прекрасна, умна, а сердце, серд-
це женщины трудно проникнуть. Если
она походить нравомъ на любезныхъ
родителей? Если милое лицо, прелест-
ная наружность обманчивы и скрыва-

ють порочную душу? О нѣтъ! Нѣтъ! Это невозможно! Голубые небесные глаза, очаровательная улыбка, они зеркало доброты и невинности. Однако жъ узнаемъ всѣ подробности: часто прекрасный цвѣтокъ вмѣщаетъ въ себѣ ядовитые соки.

На другой день Розальмъ поскакалъ къ сосѣдямъ спрашивать о Юліи, и напрасно. Она воспитывалась въ столицѣ; никто не зналъ объ ней!

Тутъ онъ обратился къ протестантскому пастору Доминусу, попечителю души г. барона; услужливый проповѣдникъ, въ угодность богатому помѣщику, далъ слово вывѣдать всѣ подробности о Юліи, и скоро доставилъ самый неудовлетворительный отвѣтъ: онъ превозносилъ красоту, умъ дѣвицы, барона величалъ глупымъ, надутымъ Нѣмцемъ, не пожалѣлъ красокъ для супруги сестрицы, и тѣмъ окончилъ разысканія. Тутъ Розальмъ рѣшился самъ узнать; часто сталъ

ѣздить на голодные обѣды и приглашать барона къ себѣ съ семействомъ; долго онъ ждалъ чести посѣщенія, и узналъ тому причину: старая карета барона развалилась, а цугъ лошадей тащаль навозъ для удобренія пашни.

Новая коляска Розальма привезла знаменитое семейство. Молодой хозяинъ почтительно принималъ высокихъ посѣтителей, и не забылъ пригласить нѣсколько дворянъ къ обѣду; тѣ съ удивленіемъ осматривали барона, супругу и сестрицу; внутренно смѣялись неумѣстной гордости, и вообще отдавали справедливость дочери: она умѣла глупость родителей замѣнить учтивостію и пріятнымъ обращеніемъ.

Поваръ Розальма заслужилъ вниманіе баронши, а погребщикъ уменьшилъ угрюмость сожителя; онъ выпилъ нѣсколько рюмокъ, принялся за предковъ, Годфрида съ какою славою величія магистры изъ Нѣмцевъ управляли Родоссомъ и Маль-

тою; въ разговоръ вмѣшался одинъ дворянинъ изъ студентовъ, и съ учтивостію замѣтилъ г. Хунгеръ-Штольцу, что въ Родосъ и Мальту назначали магистрами изъ Французовъ, Италіанцевъ, и Испанцевъ, а изъ Нѣмцевъ одинъ только Гомпешъ, который и сдалъ Мальту консулу Бонапарте.

— Клевета! Загремѣлъ баронъ, клевета! Это де-ла Валетъ, а не Гомпешъ: я это докажу портретомъ моего предка; на немъ видно, какъ онъ угрожалъ страшнымъ мечемъ своимъ Туркамъ.

«Бонапарте командовалъ Французами, а въ Мальтѣ Турокъ не было,» — перебилъ дворянинъ.

— Все равно! кричалъ баронъ, только не Гомпешъ сдалъ Мальту.

Хозяинъ мигнулъ гостю, тотъ извинялся въ ошибкѣ, и далъ волю продолжать потомку Годфрида. Разсказъ былъ длиненъ, до самой полуночи, съ непре-

рывными тостами; хозяинъ не забывалъ наливать стаканы.

Такъ началось знакомство и первая любовь Розальма; три мѣсяца онъ продолжалъ свои наблюденія, и совершенно плѣнился Юліею; началъ говорить о любви; дѣвица слушала съ удовольствіемъ, и скоро призналась, что рука и сердце такого человѣка составятъ ея счастье. Восхищенный любовникъ клялся у ногъ Юліи любить вѣчно, и въ надеждѣ, что склонностію дѣвицы дѣло окончено, бросился къ родителямъ просить согласія.

Баронъ прохаживался въ портретной залѣ; влюбленный молодой человѣкъ прибѣжалъ къ нему, открылъ чувства, питаемые къ дочери, и почтительно просилъ руки ея.

Хунгеръ-Штольцъ изумился; выслушалъ довольно сухо, нахмурилъ брови и отвѣчалъ: — «Милостивый государь! Я столько васъ уважаю, что безъ огорченія вы-

слушалъ странную эту просьбу. — Конечно, вы дворянинъ, молоды, образованны, съ большимъ состояніемъ, не спору — такія качества и достатокъ, къ супружеству съ обыкновенной дѣвицей, весьма достаточны; но для моей дочери, извините, весьма посредственны. Помните различіе родословій. Помните знатность, древность моей фамиліи, и не огорчитесь, если я не соглашусь на ваше желаніе. Впрочемъ случайная неприятность не помѣшаетъ намъ остаться пріятелями; я не лишу васъ чести и стану навѣщать по прежнему.

Розальмъ остолбенѣлъ, услышавъ столь неожиданный отказъ, собрался съ мыслями и отвѣчалъ.

«Господинъ баронъ! Я и самъ увѣренъ, что не могъ васъ оскорбить предложеніемъ, основаннымъ на чести. Вы сами сказали, что я дворянинъ; и такъ позвольте увѣрить, что фамилія моя извѣстна.... она.....»

— Это маленькая гордость, перебилъ Хунгеръ-Штольцъ, и весьма извинительна молодому человѣку. Не спору, вы дворянинъ, но какой? Едва ли можете имѣть доказательства за триста лѣтъ; а я, благодаря Бога, отъ перваго Крестоваго похода; это со временемъ откроютъ. И такъ посудите! Потомки Годфридамогутъ ли унизиться свойствомъ новаго дворянства? Если жъ найдутся такіе, я сочту ихъ извергами, не достойными знаменитой отрасли; презрю ихъ и вычеркну изъ родословной. Такъ, сударь, дочь моя должна быть супругою владѣтельнаго князя или графа, изъ самой древней фамиліи! Ее долгъ поддерживать честь дома и....

«Она меня любитъ, хочетъ составить мое счастье.....»

— Это дурно! Такое чувство не достойно дѣвицы знатной фамиліи. Ей должно покориться разсудку, и любить только однихъ предковъ. Вотъ они! (Баронъ съ умиленіемъ обратился къ портретамъ.)

Вотъ они! посмотрите! Висятъ по порядку; кажется, смотрятъ, негодуютъ, запрещають дѣвицѣ питать чувство, оскорбляющее память потомства.

«Напротивъ, г. баронъ! Портреты сожалѣють о настоящемъ своемъ положеніе: они боятся, что стѣны, на которыхъ помѣщены, обрушатся и покроютъ древность ихъ обломками!»

— Государь мой! Что вы разумѣете подь словомъ: положеніе? Если недостатокъ, то вы ошибаетесь: я не столь бѣденъ, какъ полагаете. Посмотрите на окружающіе васъ предметы! посмотрите на предковъ моихъ! какое сокровище можетъ сравниться съ ними? Взгляните безпристрастно на замокъ, — питайте благоговѣніе къ древности. Правда, время коснулось ему, часть развалилась; но это же самое время возобновитъ блескъ его; найдутся люди, проникнуть въ эти чертоги и отдадутъ потомству должную справедливость! Но положимъ, (баронъ про-

должалъ съ жаромъ); положимъ, этого не случится, и, по словамъ вашимъ, стѣны упадутъ, покроютъ обломками драгоценные остатки! пусть это совершится — я паду съ ними и погребусь въ развалинахъ моего рода! Теперь вамъ открыты мои мысли: онѣ неперемѣнны; а чтобы сохранить наше знакомство, я васъ оставлю однихъ; вы одумаетесь и согласитесь, что слова мои справедливы!

«О чемъ думать? сказалъ Розальмъ по выходѣ барона; это старій, закоренѣлый сумазбродъ; пойду къ женѣ и сестрѣ; можетъ статья, онѣ умнѣе и перемогутъ поизношенную Нѣмецкую гордость! Онѣ заботился напрасно, краснорѣчіе, просьбы, доказательства, все осталось тщетно. Супруга и сестрица вышли глупѣе барона, и наотрѣзъ ему отказали. Тутъ пришла Юлія, бросилась къ ногамъ матери, умоляла составить ей счастье, и баронша, обративъ весь гнѣвъ на дочь, просила Розальма удалиться.»

Какой ударъ молодому пылкому чело-
вѣку? какой конецъ надеждамъ? За
нѣсколько минутъ они рисовали пріят-
ныя мечты счастья, любви, семейнаго
блага! Какая ночь любовнику!... онъ ви-
дѣлъ Юлію въ полной красотѣ, съ новыми
прелестями; онъ слышалъ стоны и прось-
бы ея; читалъ въ глазахъ любовь, слы-
шалъ увѣренія и разстался съ нею!
Ахъ! какой взглядъ она бросила при раз-
лукѣ! Этотъ взглядъ выражалъ любовь
вѣчную, постоянную, и проникнулъ въ
глубину сердца!

Утро застало мечтателя въ горест-
номъ размышленіи; съ опущенной го-
ловою, сложа руки, онъ большими шага-
ми ходилъ по комнатѣ, выдумывалъ,
предполагалъ различныя средства, и
вездѣ находилъ препятствія. Онъ зналъ,
что гордость есть неизлечимая болѣзнь
въ старыхъ безумцахъ, которые кромѣ
ея ничего не имѣютъ; одно осталось
средство: увезти Юлію; но какъ предло-

жить дѣвицѣ бѣжать изъ дому? оскор-
бить родителей? Добрый Розальмъ су-
дилъ по своимъ чувствамъ!

Приходъ Доминуса прервалъ размы-
шленія. Ахъ! господинъ пасторъ! если
бы вы знали, что со мною случилось!
въ какомъ я отчаяніи? Представьте: ба-
ронъ.....

«Все знаю! и поспѣшилъ съ утѣше-
ніемъ.»

—Нѣтъ! поздно, я лишился надежды.

«Зачѣмъ отчаяваться? Это грѣшно
Толците—и отверзется. Теперь слушай-
те! Невѣсту вашу воспитала тетка въ
столицѣ. Она женщина умная, свѣтская,
судить обо всемъ здраво, и всю родо-
словную барона цѣнить менѣе гроша; я
думаю пригласить ее на помощь; она
вразумитъ брата и невѣстку. Но важ-
ность дѣла въ томъ, что во всей фамиліи
Хунгеръ-Штольцевъ много спѣси, а де-
негъ ни копѣйки. Если пожалуете на
путевыя издержки, то я самъ готовъ

за нею ѣхать, и предупредить въ вашу пользу.»

— Другъ мой! вскричалъ обрадованный Розальмъ, возьми что хочешь! поѣзжай, скачи, привези тетку, и если надѣешься на успѣхъ, то.....

«Какъ не надѣяться! Вы молоды, прекрасны, а что всего лучше, богаты; притомъ Юлія васъ любитъ.»

— Юлія..... и ты о томъ знаешь?

«Нѣсколько;..... позвольте окончить: что вы скажете, если открою еще болѣе?»

— Ахъ! Боже мой! какой вопросъ! что я скажу? Вся жизнь моя къ услугамъ твоимъ! Говори, не мучь меня, будь увѣренъ въ благодарности.....

«О томъ, сударь, ни слова; я не корыстолюбивъ, и угождаю людямъ по христіанской любви къ ближнему. И такъ знайте: все, что вы теперь слышали, я слышалъ отъ баронессы. Вотъ и письмо къ теткѣ.»

— Возможно ли?— Розальмъ бросился на шею къ услужливому пастору, далъ полный кошелекъ съ золотомъ, просилъ отправиться, и привезти скорѣе тетку.

Щедрость помѣщика понравилась безкорыстному пастору; онъ разсчелъ потяжести кошелька, что, за всѣми расходами, останется изрядная частица на его долю, и въ полной увѣренности на будущее, продолжалъ.

«Поѣздка и возвратъ составятъ не менѣе двухъ недѣль; я думаю, что въ теченіе четырнадцати дней, вамъ не противно поговорить съ невѣстою?»

— Какой вопросъ? Это невозможно! баронь.....

«Оставьте сумазброда, и отвѣчайте на мой вопросъ: если въ отсутствіе мое вамъ случится видѣть Юлію, то есть, на единѣ..... разумѣете!...»

— О! тогдабъ счастье мое совершилось новымъ доказательствомъ любви баронессы.

«Это совершится! Между тѣмъ, я повторю вопросъ: если случится свиданіе, то намѣренія ваши чисты? вы не употребите во зло довѣренность дѣвицы?»

— Одинъ только извергъ можетъ покушаться на честь Юліи!

«И такъ, сударь, баронъ съ семействомъ послѣ ужина ложится почивать, что обыкновенно бываетъ въ девять часовъ, а въ десять, дѣвица тихонько выйдетъ изъ своей комнаты прогуливаться въ звѣрипецъ; проворный молодецъ не имѣетъ надобности лазить черезъ стѣну, и подвергать опасности честь певѣсты: деревянный заборъ во многихъ мѣстахъ развалился—стоитъ перешагнуть —и опъ.»

— Какая счастливая мысль! Но что скажетъ Юлія? Если огорчится?... если?

«Не беспокойтесь! Прекрасный мужчина не огорчитъ дѣвушку свиданіемъ; почтительный женихъ до совершенія брака рѣдко бываетъ лишнимъ; его при-

нимаютъ охотно, а только сердятся, если онъ не догадливъ въ исполненіи воли любезной!»

— Да развѣ Юлія желаетъ со мною видѣться наединѣ, ночью, и довѣрила тебѣ тайну?

«Разумѣется! Иначе бы я не смѣлъ и заикнуться о томъ!»

Восхищенный Розальмъ не находилъ словъ благодарить Доминуса, торопился къ отъѣзду, заботился, готовилъ все нужное, и какъ нетерпѣливый мореходецъ ожидаетъ попутнаго вѣтра, чтобъ пуститься въ обширное море, ожидалъ минуты свиданія!

Правда, на мѣстѣ Розальма другой бы нѣсколько усомнился, подумалъ, что дѣвица торопится къ браку, назначаетъ свиданіе безъ просьбы любовника; но Розальмъ, чуждый всѣхъ подозрѣній, любилъ первый разъ въ жизни, любилъ страстно,—могъ ли о чемъ думать, какъ о прелести свиданія? Онъ вовсе не зналъ

женщинъ, не пользовался ихъ ласками, думалъ, что Юлія вмѣщаетъ въ себѣ всѣ добродѣтели, всѣ совершенства; онъ только мечталъ о восторгахъ, которые пылкое и неопытное воображеніе рисуетъ въ очаровательномъ видѣ!

Приблизилась минута свиданія. Розальмъ оставилъ лошадь вѣрному служителю, бѣжить къ звѣрицу, перепрыгиваетъ ровъ, видитъ Юлію, бросается къ ногамъ ея. Прелестная дѣвица краснѣетъ, робко протягиваетъ руку восхищенному любовнику, проситъ не употребить во зло довѣренности, и не заставить раскаиваться, что поступила столь безразсудно. Не было почтительнѣе жениха: цѣловать ручки, милыя щочки, розовыя уста, прижимать тихо красавицу къ пламенной груди, насыщаться ея дыханіемъ, вотъ все, что позволилъ себѣ Розальмъ въ ожиданіи счастливаго брака!

Два часа пролетѣли какъ двѣ минуты. Юлія напомнила о разлукѣ, повторивъ

нѣсколько разъ одно и то же, клятвы, обѣщанія, постоянную вѣрность. Они уговорились видѣться и въ наступающій вечеръ. Такъ прошли двѣ недѣли, и наконецъ пріѣхала ожидаемая тетушка.

Доминусъ сказалъ правду, что это женщина умная и свѣтская; она посѣтила жениха, узнала въ подробности о состояніи, разсмотрѣла домашній бытъ, и потомъ всѣми силами опрокинулась на брата и сестеръ. Бѣдные портреты! сколько вы пострадали! баронъ спорилъ; сестры бранились, приводили въ примѣръ предковъ, доказывали, что этотъ бракъ помрачитъ ихъ достоинство; тетушка всю покойную родню посылала къ чорту, а живую величала сумасбродами, что они умрутъ съ голоду; грозила жжечь портреты, или, еще хуже, отписать къ займодавцамъ, вытаскать изъ дому проклятое маранье и продать съ публичнаго торгу. Отъ последней угрозы у барона волосы подня-

лись дыбомъ. И подлинно: что можетъ быть ужаснѣе, какъ видѣть почтенныя хари своихъ прародителей на рынкѣ, оборванныхъ, въ заплаткахъ? видѣть, какъ безсовѣстный аукціонистъ, съ молотка уступаетъ тому, кто передастъ лишнюю копѣйку? При этой страшной мысли баронъ содрогался, однако жъ не уступалъ родственницѣ. Нѣсколько дней продолжалось жаркое сраженіе, и тетюшка, охрипнувъ, увѣдомила жениха, чтобъ онъ приготовилъ все нужное къ браку, а на другой вечеръ привезла племянницу въ церковь, гдѣ безъ дальнихъ околичностей услужливый пасторъ соединилъ влюбленную чету.

И вотъ Розальмъ достигъ своихъ желаній! Прелестная Юлія стала его женой. Онъ съ восторгомъ привозитъ молодую супругу въ домъ, гости встрѣтили повобрачныхъ, поздравляли, и вообще смѣялись глупости барона. При концѣ ужина добрая тетюшка, шепнувъ племянницѣ

сказала въ слухъ, что ей дурно; онѣ вышли въ спальню, приказали женщинамъ удалиться; сестра барона заняла мѣсто служанки, раздѣла, уложила молодую, и возвратилась къ новобрачному и торопила къ ней.

Опустимъ завѣсу, сокроемъ восторгъ Розальма! Оставимъ дополнить воображенію, что молодой, неопытный мужчина, любилъ страстно, первый разъ въ жизни, первый разъ лобзалъ и покоился на полной, прелестной груди обожаемой красавицы.

Поздно въ замкѣ Хунгеръ-Штольцевъ узнали о побѣгѣ и о бракѣ, поздно въ бѣшенствѣ осыпали проклятіями неблагодарную дочь, обольстителя, услужливую родственницу! Тщетныя жалобы и угрозы раздавались по готическому зданію! Никто ихъ не слушалъ — а предки! бездушные неблагодарные предки! спокойно висѣли на стѣнахъ, и не утѣшили горести потомковъ.

Въ домѣ Розальма все измѣнилось: умѣренность уступила роскоши, скромныя удовольствія шумнымъ забавамъ, простоту громкимъ восклицаніямъ; выписные люди, новая мебель, экипажи, толпа гостей, музыка и танцы. Онъ любилъ жену, исполнялъ ея прихоти; жена угождала тетку, а тетуска въ угодность себѣ и на чужія деньги. Скоро очарованный мужъ узналъ, что Юлія беременна; общая радость послѣдовала пріятному открытію. Розальмъ восхищался, что будетъ отцемъ семейства, и конечно бы сталъ болѣе любить жену, если бъ могъ увеличить любовь свою. Тетуска распоряжалась всѣмъ, заботилась, приказала выписать изъ столицы извѣстную бабку, моднаго акушера — и замѣтила племянницѣ, что это лучшая минута помириться съ родителями. Услужливый Доминусъ принялъ званіе посла; но со всѣмъ духовнымъ краснорѣчіемъ не присвоилъ себѣ имени миротворца: голодъ, одинъ голодъ

заставилъ мнимое оскорбленіе уступить непремѣннымъ правамъ желудка. Онъ заставилъ барона съ супругою простить дочь, однако же съ условіемъ; чтобы зять принялъ фамилію Хунгеръ-Штольцевъ, подновилъ портреты, и заказалъ новыя съ позолотою рамы.

Время! Начало и конецъ твой сокрыты непроницаемой завѣсою отъ тщетныхъ усилій понятія чловѣка! Ты разрушило памятники, обелиски, поглотило народы и державы; ты непременно въ теченіи своемъ! Кратко въ счастіи, и продолжительно въ горести.—Ахъ! и для васъ, красавицы, оно неумолимо, когда вы обратитесь къ зеркалу, спутнику весны, лѣта и осени жизни вашей!

Сколь часто этотъ жестокий другъ показываетъ, что скоро наступитъ время, и прелестныя щочки ваши украситъ почтенными морщинами, пламенные глаза потеряютъ блескъ свой, и пѣвныя локоны убѣлитъ сѣдинами! Но

утѣштесь! Не къ вамъ однимъ жестоко время: оно есть непремѣнный законъ природы и неизмѣнится въ безконечномъ теченіи своемъ! Прежде, съ нами, и послѣ насъ, оно станетъ притуплять чувства, услажденія любви, и самымъ пламеннымъ мужчинамъ откроетъ въ обожаемыхъ супругахъ слабости, пороки, различитъ истинныя прелести отъ поддѣльныхъ. Такъ неумолимое время открываетъ сокровенныя тайны сердецъ нашихъ и, въ свою очередь, вынуждаетъ жалость о минувшемъ и мысли о настоящемъ!

Время коснулось Розальму — онъ сталъ отцемъ. Прекрасный мальчикъ съ невинностію улыбался ему; ласки матери, иногда пылкія, часто принужденныя, не производили въ немъ удовольствія, о которомъ мечталъ, не бывъ еще супругомъ и отцемъ. Семейное счастіе исчезало какъ дымъ, оставляя обыкновенную горечь свою! Юлія, кроткая въ дѣвицахъ,

нѣжная, чувствительная Юлія, становилась несносною женою; время сорвало обманчивую маску, обнажило нравъ властолюбивый, вспыльчивый, вѣтренный и коварный. — Она прежде краснѣла гордости родителей, а потомъ эта надменность со всеми прихотями и безразсудствомъ овладѣла ею; она часто становилась несносною мужу, въ тягость домашнимъ, и смѣхомъ для знакомыхъ. Многіе смѣялись надъ Розальмомъ, и глупость жены относили на счетъ мужа. Тесть и теща душили зятя предками, починка замка уносила доходы и часть капитальной суммы; тетка, другъ и mentorъ вѣтренной племянницы, не помѣрной роскошью, — разстроивали имѣніе.

Розальмъ любилъ Юлію, любилъ сына, и старался въ душѣ скрывать свои горести; часто съ заботою друга, нѣжностію любовника, старался вразумить жену о настоящемъ положеніи, и что роскошь всегда производитъ гибельные пло-

ды — бѣдность, и съ умноженіемъ семейства, необходима умеренность, уменьшеніе расходовъ. «Юлія! милая Юлія! онъ часто говаривалъ, обнимая ее, вспомни начало и первые дни любви нашей! Вспомни твои увѣренія: ты клялась составить мое счастье, — гдѣ жъ это счастье? гдѣ радости мои? улыбка сердечнаго удовольствія. Я восхищался ею, и въ объятіяхъ твоихъ находилъ новую жизнь! Теперь все исчезло какъ очаровательный сонъ! Суетныя забавы ты предпочла скромнымъ удовольствіямъ; тишина, сердечный міръ, эти драгоценныя блага земли тебѣ кажутся ничтожны. Ахъ, Юлія! вспомни — ты мать! Призови на помощь разсудокъ, и не огорчай меня.»

Рѣдко увѣщанія и ласки производили желаемое дѣйствіе, и часто огорченный Розальмъ вступалъ въ свои права, съ твердостью мужчины, отказывалъ женѣ въ новыхъ безразсудствахъ; тогда Юлія, по обыкновенію многихъ женщинъ, упре-

кала его жестокостію, плакала и падала въ обморокъ; отецъ, мать, тетка, прибѣгали къ ней на помощь, и общимъ крикомъ заглушали Розальма. Вотъ плоды, повторялъ баронъ, вотъ плоды и слѣдствія не равныхъ браковъ! Я зналъ, что дочь будетъ несчастна! Предки мужа ея едва ли годились въ конюшіе нашимъ предкамъ.

Такъ прошло около двухъ лѣтъ, и рожденіе дочери не увеличило счастья Розальма; онъ часто забивался въ глухое мѣсто сада, размышлять о своей участи, или схвативъ ружье, бѣжалъ изъ дому: онъ не рѣдко становился ему несноснымъ.

Съ рожденіемъ дочери, тетушка предположила оставить деревню, переселиться въ столицу, основать тамъ постоянное жилище, пользоваться жизнію, и приготовить блестящее воспитаніе настоящимъ и будущимъ внукамъ фамиліи Хунгеръ - Штольцевъ; баронъ одобрилъ

ствѣ. Слова, убѣжденія составляли пустые звуки голоса—ихъ не слушали, приступали сильнѣе,—тутъ Розальмъ заперся въ кабинетъ, или, по обыкновенію, уходилъ съ ружьемъ, бродилъ цѣлый день; возвращался въ сумерки; находилъ то же, и сталъ невольникомъ въ собственномъ домѣ.

Съ небольшимъ за сто верстъ Розальмъ имѣлъ еще небольшое имѣніе; дѣла требовали отправиться туда на короткое время, — эта первая разлука съ Юліею показала ему весьма прискорбна, тѣмъ болѣе, что она не заботилась о днѣ возврата, простилась холодно, и не умѣла скрыть удовольствія, что разлучается съ нимъ.

Въ четыре дня Розальмъ окончилъ дѣла, и спѣшилъ къ своему семейству. Ахъ! Въ столь короткое время онъ узналъ, какъ мила ему женщина, терзавшая его душу! Онъ возвратился, и въ какое пришелъ изумленіе, увидѣвъ домъ совершенно опустѣлый? «Что это зна-

читъ? Гдѣ жена моя?» спросилъ онъ стараго управителя.

— Барыня, сударь, уѣхала....и....

«Уѣхала! куда? Гдѣ мои люди? Здѣсь пусто....»

— Ахъ, сударь! Всѣ лучшія вещи—золото, серебро, деньги, банковые билеты, увезены; все, что можно взять, взято почтеннымъ семействомъ барона....

Розальмъ оцѣпенѣлъ, смотрѣлъ на всѣ стороны, не вѣрилъ глазамъ своимъ и разсказу управителя; тотъ подалъ ему кресла, посадилъ, и продолжалъ:—Такъ, сударь, они уѣхали; обманули, ограбили васъ....

«Уѣхали! вскричалъ Розальмъ, вышедъ изъ оцѣпенія. Боже мой! Отыми мои чувства, или дай силы перенести несчастье! Юлія!.... Злодѣй! Зачѣмъ ты выпустилъ ее? не удержалъ? Зачѣмъ не поспѣшилъ уведомить меня объ измѣнѣ? говори!»

— Можно ли удержать, узнать злодѣйскій умыселъ? Люди почти все новые, преданы имъ; графъ распоряжался всѣмъ, увѣрилъ, что ѣдутъ къ вамъ въ деревню, гдѣ и проживуть нѣсколько недѣль; мы не успѣли оглянуться, какъ домъ опустѣлъ; они пустились къ помѣстью, проѣхавъ десять верстъ проселочной дорогой, своротили на столбовую, и поскакали въ столицу. Два часа назадъ мы узнали о томъ.... Графъ....

«Графъ? Бездѣльникъ! Крови твоей не достанетъ удовлетворить мое оскорбленіе! Пистолеты! Веди меня къ нему!....»

— Онъ уѣхалъ съ ними и въ одной каретѣ съ барыней.

«И такъ, только не доставало увѣриться въ безчестіи моемъ? Юлія мнѣ измѣнила, бросила! Нѣтъ! это адская фурія въ образѣ женщины! это чудовище! И я любилъ ее болѣе жизни! Несчастный! Я отогрѣлъ змѣю у сердца; зналъ и не хотѣлъ видѣть, что она ужалитъ

смертельно! ступай! приведи ко мнѣ дѣтей; я не въ силахъ двинуться съ мѣста..... колѣна дрожать..... иди.....»

— Дѣтей увезли съ собою!

«Увезли? И такъ обмануть, обезчестить, ограбить. отнять дѣтей! Боже мой! вразуми, что дѣлать? Я теперь одинъ, одинъ въ цѣломъ мірѣ! Все любезное погибло! Осталось одно мщеніе! Оно будетъ ужасно! Вели сѣдлачь лошадей, я догоню измѣнницу, вырву дѣтей изъ рукъ недостойной матери, пронжу сердце невѣрной, обольстителя! Въ крови предателей найду себѣ утѣшеніе! Лошадей!»

Коренныя и рабочія пошли въ упряжку, верховая въ поводу; графъ сказалъ, что онѣ пригодятся; а Доминусъ шепнулъ ему: дѣло; на нихъ могутъ догнать. Я это послѣ узналъ, отъ конюха; тотъ по глупости промолчалъ.

«Доминусъ? Это превосходитъ мое понятіе? Я вѣрилъ ему, обогатилъ Ха! ха!

ха! я вѣрилъ ему. И такъ пасторъ, жена, родственники, люди... всѣ!... всѣ измѣнили мнѣ! Но зачѣмъ терять время? Они удаляются, а я только бѣшусь и тщетныя произношу угрозы! Бѣги въ село, приведи лошадей! скачемъ!»

— Слушаю, сударь! я пошлю за ними, а васъ не оставлю. Вы измѣнились въ лицѣ, дрожите, какъ въ лихорадкѣ; вы, сударь, страшны. — Успокойтесь, и прочтите письмо, оставленное въ кабинетѣ.

Розальмъ сорвалъ печать, развернулъ и читалъ.

«Несправедливость, жестокое обращеніе со мною, непочтеніе къ родителямъ, вынудили меня взять дѣтей, и удалиться въ столицу. — Знаю, вы этотъ поступокъ сочтете неблагодарностію, измѣной; я не препятствую вамъ въ подобныхъ заключеніяхъ, отъ которыхъ пособіемъ друзей и покровителей совершенно безопасна. Я стану жить съ родителями: это оградитъ меня отъ

«злословіи вашихъ; если чувствуете, что можете переимѣнить сварливый нравъ свой, то пріѣзжайте въ городъ, вамъ не откажутъ въ пріемѣ. — Если жъ единеніе и образъ философической жизни вамъ пріятенъ, — то не принуждайте себя, вы совершенно свободны: я не обременю васъ укоризнами, не подамъ повода къ трагическому свиданію, оставлю въ покоѣ, въ сельской тишинѣ, — наслаждаться ею, сколько угодно.

Юлія Розальмъ.

Прочитанное письмо и колкая насмѣшка, привели въ совершенное изступленіе Розальма; нѣсколько минутъ онъ смотрѣлъ на почеркъ коварной жены, потомъ опомнился, вскочилъ, хотѣлъ бѣжать въ селеніе, взять первую лошадь, догнать и отомстить невѣрной; но силы ему измѣнили; онъ упалъ въ руки управителя и служителей; продолжительное безпамятство замѣнило изступленіе.

Наконецъ несчастный Розальмъ открываетъ глаза, смотритъ, служители окружили постель, докторъ и лекаръ стояли у изголовья, пасторъ Доминусъ въ ногахъ; больной бросаетъ отчаянные взоры, спрашиваетъ, гдѣ онъ? гдѣ Юлія—дѣти?..... На эти вопросы ему только отвѣчаютъ, что обморокъ продолжался нѣсколько часовъ, и одно кровопусканіе сохранило ему жизнь. Тутъ онъ собираетъ послѣднія свои силы, приводитъ на память происшествіе, и обращается къ Доминусу.»

«Предатель! и ты здѣсь? Ты пришелъ насладиться моими страданіями, исчислять послѣднія минуты жизни, доставить измѣнницѣ пріятное извѣстіе, что я не существую болѣе на свѣтѣ! — Но трепещи! пока искра жизни тлѣетъ въ груди моей, вы не избѣжите моего мщенія!»

«Мщеніе противно Богу, отвѣчалъ смиренно Доминусъ. Я извѣстился о болѣз-

ни вашей, спѣшилъ доставить утѣщеніе, если нужно, приготовить путь къ жилищу, гдѣ горести не извѣстны человѣку.

При словахъ Доминуса, Розальмъ покусился встать, и силы ему измѣнили; онъ, по краткомъ молчаніи, бросилъ презрительный взглядъ на пастора. «Теперь ты можешь все говорить, я не въ силахъ притупить ядовитое жало языка твоего. Ты пришелъ утѣшить меня и приготовить къ вѣчности? Не торопись, я живъ еще, и не нуждаюсь въ твоёмъ усердіи. Только скажи, почтенный человѣкъ, гдѣ жена моя? Ты совѣтникъ, помощникъ въ побѣгѣ, и....»

— Милостивый государь! я не имѣю права входить въ семейныя дѣла; они принадлежатъ благоразумію и проницательности вашей. Я не имѣлъ права удерживать супругу и родственниковъ; мое дѣло молиться о плавающихъ и путешествующихъ. Я вижу, присутствіе мое здѣсь противно, и такъ оставляю при

вать врачей тѣлесныхъ, въ ожиданіи, когда потребуютъ врача духовнаго.

Онъ вышелъ, и тѣмъ облегчилъ страданіе Розальма. Сильная горячка стала слѣдствіемъ предательства Юліи. Три недѣли онъ боролся съ смертію. Молодость съ крѣпкимъ сложеніемъ превзошла опасность болѣзни, и неусыпное попеченіе докторовъ; онъ сталъ выздоравливать и готовится къ отъѣзду въ столицу, что бы отыскать свои права и наказать виновныхъ.

Въ одно утро, собравъ необходимыя вещи, остатки денегъ, простился съ служителями, сѣлъ въ коляску, и съ однимъ только человѣкомъ оставилъ домъ свой. Онъ бросилъ печальный взоръ на жилище счастья; какое-то предчувствіе шептало ему, что на долго разлученъ съ нимъ.

Розальмъ вздохнулъ, обратился къ окрестностямъ, на мирныхъ поселянъ, посмотрѣлъ на садъ, исчезающій по мѣрѣ

отдаленія; садъ, гдѣ нѣжная рука матери водила его, гдѣ въ дѣтствѣ предавался невиннымъ забавамъ; гдѣ въ юности добрый отецъ, въ часы отдохновенія, бесѣдовалъ съ нимъ, какъ другъ, и научалъ добродѣтели. Въ этомъ саду онъ восхищался первою любовію своею; въ счастливые, по скоротечные, дни обнималъ невѣрную, изливалъ предъ нею душу и мечталъ о всегдашнемъ счастьи своемъ; наконецъ всѣ предметы исчезли, крупныя слезы канули на лицо несчастливца.

«Немилосердые люди! произнесъ Розальмъ, отъ васъ нѣтъ уголка на земномъ шарѣ, куда бы удалиться? Въ пышныхъ чертогахъ и въ мирномъ жилищѣ вы отыскиваете новыя жертвы. Долго ли мнѣ испытывать примѣръ несправедливости вашей, или думать, что все существующее въ природѣ оставлено на произволь случая? что добродѣтель гонима, а зло торжествуетъ! Но если это

испытаніе въ жизни нашей, то зачѣмъ относится къ тѣмъ, кто исполняетъ обязанность человѣка, мыслить о благости Создателя и стремится подражать ей! Зачѣмъ онъ не имѣетъ столько силъ, что бы на скользкомъ пути жизни видѣть порокъ и коварство въ торжествѣ, а добродѣтель въ униженіи? видѣть и не пожелать соединиться съ первыми и бѣжать отъ послѣдней? Жизнь моя изображаетъ точную картину, что человѣкъ на прямомъ пути истины ничтоженъ. Я носилъ званіе воина, гражданина, обремененный трудами, покрытый ранами, какую получилъ награду? никто не протянулъ ко мнѣ руки пособія, никто не изъявилъ состраданія и не хотѣлъ утѣшить! Наконецъ, не люди, а случай улыбнулся мнѣ. Первые дары счастья я посвятилъ подобнымъ себѣ, какъ обязанность священную сердцу моему — ахъ, какъ они отблагодарили? и кто? Юлія. О Юлія! сколь мнѣ ужасно включить тебя въ число лю-

дей, которыхъ началъ ненавидѣть, и удалюсь на всегда. Неблагодарная! ты составляла блаженство дней моихъ и въ объятіяхъ подлаго обольстителя хладнокровно приготовила позоръ мой.... Бросила мужа, похитила дѣтей, и родственники, вытасченные мною изъ нищеты, способствовали тебѣ! Страшись, преступница! Безумецъ! какія мысли поселились мнѣ въ голову? Зачѣмъ ей страшиться? Она молода, прекрасна, моимъ имѣніемъ богата, сыщеть покровителей, подобныхъ себѣ — а я? — презрѣніе! Но если предположить, что торжество злыхъ не продолжительно, какое въ томъ утѣшеніе? Частіца ихъ гибнетъ, а новыя толпы возрастаютъ! Какое утѣшеніе, если порочная, виновная Юлія падетъ подъ бременемъ страстей своихъ? если несвоевременная смерть, со всѣми ужасами раскаянія, отомститъ за меня! Ахъ! смерть Юліи не возвратитъ мнѣ счастья!» Такъ мыслилъ Розальмъ, приближаясь къ столицѣ

и не зналъ, какой еще ударъ готовился ему.

Онъ прїѣхалъ въ городъ, остановился въ трактирѣ, узналъ о жилищѣ Юліи, и въ тотъ же день пошелъ къ ней; входитъ въ огромный домъ, пробѣгаетъ три комнаты, видитъ большія зеркала, фарфоръ, бронза, и вообще вся мебель означаетъ роскошь; еще проходитъ комнату, и слышитъ голосъ жены, отпираетъ дверь..... и съ ней незнакомый мужчина преклонныхъ лѣтъ.

Юлія вскрикнула, незнакомецъ, бросилъ грозный взглядъ на Розальма, и спросилъ повелительно. Государь мой! кто вы, и какъ осмѣлились войти безъ доклада?

У Розальма затрепетали всѣ члены, глаза сверкнули гнѣвомъ; какъ изступленный онъ бросился къ нему, сильною рукою схвативъ за грудь и страшнымъ голосомъ произнесъ: «Кто ты... посѣдѣ-

лый развратникъ? отвѣчай! отвѣчай! или.....»

Роскошный сибаритъ затрепеталъ, не могъ произнести отвѣта, Юлія бросилась къ нему:.. Это мужъ мой!.... Это...

«Прочь, змѣя!» закричалъ Розальмъ, оттолкнувъ ее въ грудь. Она произнесла вонь, упала на софу.

На голосъ Юліи сбѣжались со всѣхъ сторонъ: баронъ съ супругою, сестра, тетка, щеголеватый графъ, цѣлое семейство окружило Розальма и оледѣвшаго отъ ужаса любовника; тетка, пораженная внезапною сценою, первая опомнилась, подбѣжала къ соперникамъ; обратилась къ племяннику.— Безразсудный, что ты дѣлаешь? Это господинъ Де!.... старинный другъ..... покровитель нашему дому....

«О! я увѣренъ въ томъ... за минуту видѣлъ несомнѣнные тому опыты, и попрошу покровителя расчитаться со

мною; потомъ съ ошипаннымъ графомъ — ему понравились мои лошади.

— Брависсимо! брависсимо! произнесъ графъ, стоя у двери комнаты — эта провинціальная шутка весьма забавна! Только жаль, если комическое начало окончится трагически — изступленный супругъ заколетъ г. Де... меня... Юлію... всѣхъ безъ пощады!... сколько понадобится гробовъ, чтобъ хоронить покойниковъ? сколько слезъ и воздыханій? Потомъ всеразрушающій мститель, какъ водится между порядочными людьми, почувствуетъ поврежденіе въ мозгу, и отправится въ домъ сумасшедшихъ.

«Негодяй! ты дорого заплатишь за глупую насмѣшку! Я оставляю на время твою дерзость и поговорю съ этимъ господиномъ. Вы, сударь, какъ вижу по знаку и одеждѣ, безъ сомнѣнія, носите званіе почетнаго человѣка, но не это васъ спасаетъ: вы не имѣете при себѣ оружія. Конечно, въ ваши лѣта сртанно

пистолетомъ или шпагою, защищать честь свою. Но кто рѣшился на безчестный поступокъ, тотъ долженъ умѣть и выручить его! Теперь выслушайте! Эту женщину я нашелъ въ объятіяхъ вашихъ. Она носитъ имя моей жены; я любилъ ее страстно, не щадилъ жизни, чтобы сдѣлать счастливою, — она обманула, бѣжала съ негодяемъ; онъ и родственники ограбили меня. Теперь вы можете понять, что не одни пользуетесь благоклонностію женщины — женщины презрительной въ глазахъ честнаго человѣка! Я васъ нашелъ съ нею — вы должны удовлетворить меня! Мѣсто, часъ оружіе, вы можете назначить сами. Теперь мнѣ надо объясниться съ графомъ....

Голинъ, услыша эти слова, схватился за ручку двери; съ робостью и отрывисто началъ говорить:» Прошу, сударь, не подходить близко, а то выйдетъ худо!... Сердитесь изъ-далека.... повторяю вамъ, какъ честный человѣкъ... выйдетъ ху-

до!... я не люблю ссориться вблизи... не привыкъ къ такимъ шуткамъ: онѣ приличны въ деревнѣ— а здѣсь, въ городѣ, въ домѣ г. барона, совсѣмъ не у мѣста.... Притомъ, вы виѣ себя, можете оказать дерзость.... а я самъ вспыльчивъ, и въ горячности.... Мы завтра увидимся. Прощайте!» Онѣ выбѣжалъ въ другую комнату.

Въ это время г. Де.... оправился отъ испуга, и въ замѣшательствѣ сказалъ Розальму: Я не имѣю права входить въ разбирательство ссоры супруговъ; только смѣю увѣрить, что предложеніе и привѣтствіе ваше не забуду; вы скоро получите отвѣтъ.— Онѣ поклонился и вышелъ проворно.

Тутъ Розальмъ схватилъ барона за руку.— «Безчестный человекъ! и ты не устыдился погрузить дочь въ столь гнусные пороки! Ты способствовалъ ей обмануть мужа, бѣжать, ограбить, и предаться сладострастію? Гдѣ же гордели-

вость твоя? гдѣ сумазбродныя понятія о достоинствѣ и предкахъ? Ступай въ готическій замокъ! сожги портреты, чтобъ они не видѣли потомка, который торгуетъ честью дочери своей!»

Баронѣ молчалъ. Подлая трусость слѣдитъ за безразсудною гордостію. Розальмъ подошелъ къ Юліи.— «Я спѣшилъ загладить обиду мою въ крови твоей, вырвать сердце, посвященное мнѣ при алтарѣ Бога, мстителя клятвопреступниковъ! Я думалъ, что увижу тебя только съ графомъ, а нашелъ съ другимъ? Теперь ты столь презрительна, что не стоишь мщенія. Веди меня къ дѣтямъ! Я избавлю ихъ отъ недостойной матери—жены невѣрной! Избавлю чудовища, чтобы не заразились дыханіемъ твоимъ! Повинуйся, или страшись! Мой гнѣвъ справедливъ и безпредѣленъ!»

Юлія привыкла видѣть мужа всегда кроткимъ, покорнымъ своей волѣ. Юлія, всегда пылкая, дерзкая, не могла безъ

ужаса взглянуть на грозное лицо Розальма; ей казалось, что мщеніе и смерть готовы обрушиться на виновныхъ. Она встала, и поддерживаемая теткою, повела мужа къ дѣтямъ.

Они спали покойно; отецъ бросился къ нимъ, приложилъ уста къ щечкамъ ихъ; слезы полились изъ глазъ его — дѣти обезоружили справедливый гнѣвъ. Долго онъ смотрѣлъ и цѣловалъ малютокъ; они проснулись; Розалія улыбнулась; Адольфъ протянулъ къ нему ручки. Тутъ, Розальмъ, собравъ все свое мужество, приказываетъ кормилицѣ и нянькѣ нести ихъ за собою, и говоритъ Юліи: «Ты не увидишь болѣе дѣтей! Ты бросила отца, заглушила чувства матери! Забудь, что у тебя дѣти! Г. баронъ! я увѣренъ, что правительство возвратитъ мое имѣніе и избавитъ отъ дочери вашей.»

Онъ вышелъ, за нимъ несли дѣтей, никто не смѣлъ препятствовать ему! Такъ преступленіе всегда робко, если ожидаетъ

казни! Злодѣи трепещутъ, когда истина обнажитъ ихъ! Къ сожалѣнію, эта робость скоротечна: они снова дышутъ злобой и надеждою отомстить.

Размѣстивъ дѣтей, Розальмъ думалъ всю ночь о минувшемъ вечерѣ; благодарилъ Бога, что удержалъ себя и не обагрилъ рукъ въ крови недостойной женщины. Онъ думалъ, что любовь къ ней совершенно исчезла, обратилась къ однимъ дѣтямъ, и разумокъ требовалъ вытѣснить образъ предательницы изъ сердца.

Утромъ пригласилъ адвоката, поручилъ ему составить просьбу: онъ самъ не имѣлъ силы изобразить Юлію настоящими красками, не могъ поступокъ барона обозначить точнымъ названіемъ, и когда наемщикъ употреблялъ сильныя выраженія, то оскорбленный старался смягчить услужливость адвоката.

Окончивъ бумагу, Розальмъ простился съ дѣтьми, вышелъ для доставленія

жалобы правительству, и только показался на крыльцѣ, какъ полицейскій офицеръ съ тремя солдатами остановилъ его, именемъ начальства взявъ шпагу, посадилъ въ крытую карету, велѣлъ войти въ нее своимъ подчиненнымъ, помѣстился съ нимъ рядомъ, и приказалъ ѣхать.

Изумленный Розальмъ не вѣрилъ глазамъ своимъ, не вѣрилъ событію; спрашивалъ, за что взять, куда везутъ? повторялъ нѣсколько разъ свое имя и фамилію. Онъ думалъ, что въ этомъ арестѣ послѣдовала ошибка. На всѣ вопросы и увѣренія спутники молчали, и, кажется, родились нѣмыми, а только заботились, чтобъ арестантъ не выскочилъ изъ кареты.

Скоро исчезло сомнѣніе Розальма. Карета остановилась, молчаливый аргусъ разрѣшилъ языкъ свой: Г. Де... благодарить васъ за предложеніе и учтивость.

— Тутъ заскрипѣли страшныя ворота,

преддверіе смерти отворилось, — несчастный въ темницѣ!

Три мѣсяца, или три ужасные вѣка, невинный затворникъ страдалъ въ заключеніи; слабый свѣтъ будто невольно проникая изъ ущелины стѣны, освѣщалъ это мѣсто, и едва пропускалъ воздухъ въ темный, сырой карцеръ. Кувшинъ воды, кусокъ черстваго хлѣба, составляли пищу. Простертый на клочкѣ соломы, онъ не произносилъ болѣе жалобъ и стона, не проливалъ слезъ, — источникъ ихъ пресѣкся. Онъ призывалъ одну смерть, но и та ужасалась вступить въ жилище всегдашней скорби и страданій!... Надежда, единственная спутница и подруга несчастныхъ, оставила Розальма. Онъ думалъ, что на всю жизнь погребенъ въ темницѣ, ужаснѣй самой могилы! (*)

(*) Въ то время не заботились, какъ нынѣ, о людяхъ, заключенныхъ въ тюрьму и острогъ.

Во второй день четвертаго мѣсяца дверь темницы отворилась; внезапный свѣтъ фонаря ослѣпилъ глаза арестанта; вошли три челоѡка.

Смотритель, приказный съ бумагою, и сторожъ съ фонаремъ: Радуйтесь! говорилъ первый, радуйтесь!— Господинъ секретарь принесъ добрыя вѣсти. Выслушайте рѣшеніе суда!—Сторожъ зажегъ другую свѣчу, приказный надѣлъ очки, прокашлялся, и съ пономарскимъ приѣвомъ читалъ:

«Юлія Розальмъ, урожденная баронесса фонъ Хунгеръ-Штольцъ, принесла жалобу на законнаго мужа своего, Адольфа Розальма, яко бы онъ (*) поступалъ съ нею жестоко и о прочемъ, что все означено ниже сего: судъ выслушалъ просьбу, состоящую во многихъ пунктахъ, приступилъ къ разсмотрѣнію и подлежащимъ справкамъ,

(*) Здѣсь обозначенъ языкъ и слогъ стариннаго производства дѣлъ.

изъ коихъ явствуетъ: во—первыхъ, при разборѣ бумагъ и документовъ въ квартирѣ Адольфа Розальма, равномерно изъ послужныхъ его списковъ, видно: что онъ по бытности своей за границею, состоялъ на службѣ въ гусарскомъ полку волонтеромъ, за буйственный поступокъ и дезертирство преданъ былъ суду, а по гражданскому аттестату, явствуетъ, что онъ былъ чиновникомъ по особымъ порученіямъ, судился по рядкомъ уголовныхъ дѣлъ, за пристрастное производство слѣдствія, и хотя онъ, Адольфъ Розальмъ, по военной службѣ и возвратилъ прежнее свое достоинство, а по гражданской оправданъ—но уже сіи вышерѣченныя совокупныя обстоятельства подають на него сумнительство, подкрѣпляя жалобу жены его, понеже знаменуютъ вздорный и неукротимый характеръ его; а во—вторыхъ: что онъ, Адольфъ Розальмъ, въ противность божественныхъ и граж-

«данскихъ законовъ, обращался жесто-
 «ко съ поимянованною женою своею,
 «наносилъ ей побои, увѣчье, покушался
 «не однократно на жизнь ея; въ чемъ
 «свидѣтельствуесть уѣздный докторъ Апо-
 «лоній Микстурины. Такжеже расточалъ
 «наслѣдственное имѣніе и собственность
 «жены, полученную отъ родителей въ
 «приданое; провождалъ жизнь развра-
 «щенную, и прижилъ съ обольщенною имъ
 «дѣвицею Вильгельминою Штрикъ ребенка
 «мужескаго пола, въ чемъ письменно удо-
 «стовѣряеть Доминусъ; и въ дополненіе вы-
 «шепрописаннаго, отвѣтчикъ Розальмъ,
 «прибывъ въ столицу, ворвался силою въ
 «домъ своего тестя, барона фонъ Хунгеръ-
 «Штольца, и въ азартъ, сирѣчь умоизсту-
 «пленіи, угрожалъ смертію его дочери, а
 «своей женѣ, въ имовѣрности чего, такожъ
 «де утверждаютъ: господинъ Де...., и Го-
 «линъ, а ихъ свидѣтельства подтверди-
 «ли вольнонаемные служители: Васи-
 «лій Архиповъ Горланинъ, Оедоръ Ан-

«тоновъ Кутилкинъ и Григорій Кон-
 «дратьевъ Запиваловъ, а допросы, под-
 «твержденные въ судѣ и предъ судьейю,
 «гласятъ уже достаточными къ сужде-
 «нію обвиняемаго, а кольми паче, что
 «Адольфъ Розальмъ, въ отвѣтныхъ пунк-
 «тахъ своихъ, не опровергнулъ извѣта,
 «и на очныхъ ставкахъ не уличилъ же-
 «ну свою, равномерно и другихъ въ
 «противорѣчїи и несправедливости. То
 «по сему, хотя бы и подлежало Ро-
 «зальма судить строго; но снисходя
 «просьбамъ родственниковъ, а болѣе же-
 «ны его, рѣшили: Препроводить Адоль-
 «фа Розальма въ одну изъ принадле-
 «жащихъ ему деревень, именуемую Болот-
 «ки, гдѣ и проживать ему подъ надзо-
 «ромъ земской полиціи, а той поста-
 «вить въ непремѣнную обязанность имѣть
 «за нимъ, какъ буйнымъ человѣкомъ,
 «строжайшее наблюденіе, а кольми паче
 «воспретить какую либо переписку, и

“просьбъ на жену его и родственни-
 “ковъ не принимать, и не пересылать.
 “Касательно же движимаго и недвижи-
 “маго имѣнія, то, для устройства и со-
 “храненія онаго законнымъ наследни-
 “камъ, сушимъ нынѣ въ малолѣтїи, учре-
 “дить опеку изъ трехъ благонадежныхъ
 “лицъ: какъ то: барона фонъ Хунгеръ-
 “Штольца (яко ближайшаго родствен-
 “ника), г. Де... и Голина, а посему
 “уже ему, Розальму, не вмѣшиваться въ
 “распоряженіе оныхъ и не требовать
 “на собственное содержаніе, поелику онъ
 “можетъ пользоваться доходами дерев-
 “ни Болотки, состоящей изъ семнадцати
 “ревижскихъ душъ. По вычитанїи все-
 “го вышепрописаннаго, истребовать под-
 “писки: доволенъ ли онъ рѣшеніемъ
 “суда? и буде окажетъ неудовольствіе
 “съ прописаніемъ подлежащаго закона,
 “то извѣстить его, что въ свое время
 “потребуютъ отъ него новыхъ доказа-

“тельствъ, и въ ожиданїи которыхъ,
 “содержать по прежнему въ тюремѣ.

“Апрѣля дня текущаго года.,,

—Ну, сударь, имѣю честь поздравить!
 сказалъ приказный, прочитавъ рѣшеніе.
 Вы, конечно, не думали, что дѣло окон-
 чится такъ скоро, и въ вашу пользу;
 безъ сомнѣнія, не станете просить апел-
 ляціи, и свободу предпочтете маленькому
 пожертвованію — я въ томъ увѣренъ и
 заготовилъ подписку по формѣ. Не угод-
 но ли приложить руку?

Розальмъ готовъ былъ исполнить все,
 только бы избавиться тюрьмы; онъ не
 заставилъ услужливаго секретаря повто-
 рить, и въ ту же минуту подписалъ бу-
 магу. Смотритель проводилъ арестанта
 до повозки, сдалъ полицейскому офи-
 церу, а тотъ, по привозѣ на мѣсто, за-
 сѣдателю земскаго суда.

Теперь осталось сказать читателямъ,
 что деревня Розальма состояла изъ вось-
 ми бѣдныхъ хижинъ съ не большимъ, об-

ветшалымъ господскимъ домомъ; мѣса и болота окружали это мѣсто. Къ счастью, или непонятнымъ чудомъ, кошелекъ съ деньгами и памятная книжка уцѣлѣвъ, доставили изгнаннику средства вычипить домъ, и заpastись необходимымъ для жизни.

Около трехъ лѣтъ забытый цѣлымъ міромъ, Розальмъ оплакивалъ жестокую свою участь; но какъ во всякомъ злѣ есть частица добра, то онъ имѣлъ довольно времени судить о дѣйствіяхъ и причинахъ; увѣриться, что въ бѣдности, праздности и подъ надзоромъ полиціи, самое удобное время разсуждать и сдѣлаться философомъ.

Теперь читатели, конечно, вспомнятъ тотъ вечеръ, въ который Розальмъ, у камина, произносилъ похвальное слово всѣмъ людямъ, вспомнятъ какъ явился къ нему духъ, и не удивятся, что онъ дьявола счелъ благодѣтельнымъ суще-

ствомъ, и съ довѣренностію принялъ его покровительство.

Восемь часовъ ударило, Розальмъ проснулся. — «Какія странныя и пріятныя мечты! говорилъ онъ, протирая глаза, «какое сдѣленіе различныхъ предметовъ? Явленіе духа, магическія очки, застава, трактиръ, погребъ, повѣсть Антона Ивановича, все казалось живо, натурально. Ахъ! зачѣмъ очаровательный сонъ исчезъ такъ скоро?... что это?... постель не моя?... мебель, занавѣсы;... картины.... вотъ, на столѣ кошелекъ съ деньгами... и банковые билеты... О, вѣрно я еще сплю? или несчастія, вскруживъ мою голову, повредили мозгъ? А! постой! я слышу голосъ духа... онъ еще отзывается въ душѣ моей..... точно..... за стѣною читають:

Зачѣмъ ты, сонъ, людямъ подобенъ?

У ногъ фортуны дремлешь ты —

И тамъ, гдѣ счастью храмъ устроенъ,
 Лишь сыплешь маковы цвѣты;
 А гдѣ тоска, печаль, разлука,
 Нѣтъ радостей—одна лишь скука,
 Гдѣ скорбь избрала вѣчный тронъ,
 Гдѣ ночи кажутся вѣками,
 Часы считаютъ гдѣ слезами—
 Туда зовутъ напрасно сонъ!

* * *

Онъ глухъ, страдальцамъ не внимаеть,
 Летитъ поспѣшно къ тѣмъ мѣстамъ,
 Гдѣ роскошь въ нѣгѣ утопаетъ,
 И счастью сыплютъ фиміамъ!
 Надъ лономъ сибаритъ гдѣ лежатъ,
 Съ подругой милой чувства нѣжатъ
 На персяхъ юной красоты,
 Тамъ сонъ щедроты разливаешь,
 Въ мечтахъ утѣхи воскрешаетъ,
 Храпитъ спокойствіе четы.

* * *

Или, за тканью драгоценной,
 Гдѣ пышность съ роскошью блеститъ,

Гдѣ тучный Крезъ, кумиръ вселенной,
 Въ покоѣ, беззаботно спитъ.
 Тамъ сонъ, принявъ различны виды,
 Несетъ сокровища Колхиды,
 Иль тѣша новою мечтой,
 Любимца въ перлы превращаетъ,
 А тотъ себя въ нихъ осязаетъ
 И видитъ дождикъ золотой!

* * *

А здѣсь? гдѣ мамушка сварлива
 Корпитъ надъ Хлопной красой,
 Дѣвица робкая, стыдлива,
 Зоветъ тебя защитникъ мой?.....
 Сомкни ненавистны очи....
 И сонъ въ туманахъ мрачной ночи
 На черныхъ крыльяхъ къ ней летитъ,
 Старушку скоро усыпляетъ,
 Эрасту дверь отворяетъ:
 Однимъ любовь—другая спитъ.

* * *

А тамъ, гдѣ откупщикъ богатый
 Даетъ пвршкку на-заказъ;

Къ нему спѣшить судья косматый,
 Прожора стряпчій и пролазъ.
 Глаза ихъ завистью сверкають,
 Они все съѣсть и взять желаютъ—
 А сонъ въ подъѣздѣ на часахъ
 Дрожатъ съ прислугою, зѣваетъ,
 Гостей въ кареты размѣщаетъ,
 Рябитъ дремотою въ глазахъ!

* * *

А вотъ, и ратникъ вамъ ужасный.
 Онъ въ мирны дни героемъ слымъ,
 Съ подъ ручки дядюшки опасной
 И небу и землѣ грозилъ.
 Онъ дома храбростью пылаетъ,
 Враговъ жестоко поражаетъ,
 А Турокъ гонитъ какъ гусей.
 О сонъ! и ты приспѣлъ тутъ кстати
 Помочь случайному дятти,
 Рубить безъ милости людей!

* * *

И тутъ, гдѣ рошица тѣниста
 Манитъ пріятностью своей,

Лепечеть пѣночка рѣчиста,
 Дробитъ и свищетъ соловей;
 Гдѣ свѣтлый ручеекъ катится,
 Зефиромъ рѣзвымъ серебритъ,
 Шумитъ по камушкамъ цвѣтнымъ.
 Кому же сонъ тамъ угождаетъ?
 Отшельникъ жирный засыпаетъ,
 И онъ покоится надъ нимъ!

* * *

Зачѣмъ же, сонъ, ты столь коваренъ?
 То скупъ, то роскошенъ въ дарахъ?
 Зачѣмъ въ щедротахъ ты не равенъ—
 Счастливымъ другъ, несчастнымъ врагъ?
 Ты смерть собой изображаешь,
 На что жъ отъ смерти отвлекаешь?
 Зачѣмъ несчастнымъ видѣть день?
 И здѣсь подъ бѣдный кровъ унылой
 Ты только сталъ знакомъ съ моглой,
 Когда мелькнула счастья тѣнь!....

«Что это значитъ? Последніе стихи
 относятся ко мнѣ. Вотъ серебряный

колокольчикъ; можетъ статья, онъ разрушитъ магическое очарованіе.»—Розальмъ позвонилъ, вбѣжалъ камердинеръ.—Такъ, это лицо я видѣлъ — чудно! — «Другъ мой! кто читаетъ въ той горницѣ?»

— Въ библіотекѣ, сударь?

«Какая библіотека? у меня не болѣе двадцати книгъ....»

— Извините, сударь! Мы привезли слишкомъ пять сотъ. Пріятель вашъ размѣщаетъ ихъ по порядку.

«Мой пріятель?»

— Да, сударь!

При словахъ камердинера входитъ молодой прекрасный мужчина, привѣтствуетъ дружески Розальма съ пріятнымъ утромъ.

— «Государь мой! извините, что встрѣчаю васъ въ постель. Позвольте спросить, съ кѣмъ имѣю честь говорить? вашъ голосъ....»

— Знакомъ вамъ—вѣрю.— Онъ подалъ человѣку знакъ, тотъ вышелъ, и не зна-

комецъ мгновенно превратился въ Мафуса.

При этомъ страшномъ видѣ Розальмъ вскрикнулъ; невольный ужасъ оковалъ его члены; но скоро страхъ исчезъ; онъ протянулъ къ нему руки.— «Благодѣтель мой! это ты! Теперь сомнѣніе исчезло: я не сплю и въ полномъ умѣ!»

Духъ сдѣлалъ движеніе и получилъ первый видъ. Такъ, Розальмъ, твой другъ исполняетъ обѣщаніе; онъ далъ слово перемѣнить твою участь, а слова духа есть непремѣнны. Вставай, одѣнься, позавтракай, и пустишь снова продолжать испытанія. Хозяинъ исполнилъ волю Мафуса; принесли завтракъ, и два друга сѣли за столъ.

«Надо признаться, что теперь все пособія разсудка должно обратить и дѣйствовать надъ силою ума и воображенія, если приведу на память вчерашнее происшествіе, все, что видѣлъ и слышалъ,

сравню мои понятія о существахъ, прежде отвергаемыхъ, то....»

— Мы начнемъ философствовать о непостижимомъ; обратимся ко вчерашней матеріи и сравненіямъ.

«О нѣтъ! я помню ихъ, и вѣрю, что многіе изъ людей есть дѣти, играютъ въ жмурки, ловятъ товарищей, и если подобный ребенокъ схватитъ шалуна, станетъ посредствомъ одного осязанія утверждать о извѣстности предмета, то легко можетъ ошибиться; повязка на глазахъ препятствуетъ ему видѣть, а одно осязаніе, безъ помощи зрѣнія, весьма недостаточно къ полному удостовѣренію. То же почти выходитъ и съ отвлеченными предметами; мы стараемся ихъ проникнуть, напрягаемъ всю силу воображенія и, собравъ вѣроподобныя идеи, увѣряемъ себя въ постиженіи, думаемъ что не достаетъ однихъ только глазъ увѣриться въ истинѣ; но я весьма далекъ отъ подобныхъ мыслей, особенно предъ су-

ществомъ, постигающимъ таинства природы. — Я началъ матерію въ мысляхъ склонить ее къ перемѣнѣ моей участи, благодарности къ тебѣ, въ открытіи сердечныхъ чувствъ и....»

— Понимаю: трехлѣтнее заключеніе не истребило въ тебѣ привычки объясняться не прямо; ты постепенно хотѣлъ довести разговоръ къ женѣ и дѣтямъ. Продолжай, другъ мой: такой навѣкъ въ чловѣкѣ не изъ числа самыхъ худыхъ.

«О, ты понялъ мои мысли, проникнулъ въ сердце. Такъ, вчера, еще вчера, когда я все вниманіе устремилъ къ необыкновенному твоему явленію и страннымъ происшествіямъ, я хотѣлъ спросить о дѣтяхъ.»

— И не спросилъ. Причиною тому робость и стыдъ. Ты боялся услышать худыя вѣсти о семействѣ, и признаться, что еще любишь невѣрную жену, — не правда ли?

«Кто? я? люблю это чудовище?....»

— Оставь восклицанія и согласишься, что ложь нераздѣльна съ человѣкомъ! Ты въ числѣ лучшихъ между ими, и не могъ провести часу, чтобъ не употребить ее. Ты, какъ моралистъ, строгій испытатель женщинъ, искалъ невѣсту во множествѣ дѣвицъ, выбиралъ, сравнивалъ, находилъ въ красавицахъ излишество, или недостатки, и при всей осторожности, съ помощію Доминуса и тетки, взялъ жену изъ сумасшедшаго дома (я разумѣю готическій замокъ барона); тебѣ не хотѣлось признаться, что послѣ всѣхъ несчастій, ты еще неравнодушенъ къ ней, и прелестное личико гнѣздится въ твоёмъ сердцѣ! Ты зналъ, что женщина неблагодарная, сладострастная, которая обманула, бѣжала, въ живѣ похоронила мужа, ничѣмъ прельщать не можетъ, кромѣ наружности, и заслуживаетъ одно только презрѣніе.

— Ты это зналъ, и стыдился признаться въ своей слабости? Будь смѣль и откровенень! Я не критикъ: тѣ придираются ко всякому слову, опарачиваютъ все, и часто хорошее — а я только худое; тѣ стараются уязвить, а я только смѣюсь и мастерю шутки своего покроя: онѣ безвредны и не отдаются въ печать. Успокойся, другъ мой! Даю слово, ты скоро увидишь жену и дѣтей. Адольфъ и Розалія здоровы, ожидаютъ, любятъ отца; но важныя причины препятствуютъ въ этотъ день исполнить твое желаніе.

«О добрый духъ! такъ дѣти....»

— Будутъ съ тобою. Окончи завтракъ, спрячь золото и билеты, распорядись въ домъ; намъ время отправиться въ путь.

«Я почти готовъ. Много ли надо человѣку подкрѣпить желудокъ?»

— Конечно, для тебя достаточно самый умеренный завтракъ, а другимъ онѣ

слишкомъ малъ. Человѣкъ есть самое ненасытное созданіе.

«Мафусъ! я не понимаю, какъ согласить твои слова съ дѣйствиємъ? Ты покровительствуешь теперь человѣку, а между тѣмъ выказываешь совершенную ненависть всему роду нашему!»

— Напротивъ! За что мнѣ ненавидѣть людей? Они сблизились съ нами и такъ образовались, что мы не стыдимся подражать имъ. Я говорю тебѣ одну правду, и всякое слово готовъ утвердить доказательствомъ. Напримѣръ: плотоядныя и другія животныя питаются назначенною имъ отъ природы пищею: волкъ растерзавъ овцу, не станетъ ѣсть травы, равно и овца не употребитъ въ пищу волка; а человѣкъ изволитъ кушать все, что на землѣ и въ водѣ; всѣ животныя, которыя плаваютъ, бѣгаютъ, ползаютъ, служатъ ему пищею. Крылья не спасаютъ пернатыхъ отъ жадности человѣка; онъ все ловитъ и истре-

бляетъ. Но этого еще мало: онъ заставляетъ природу, дары лѣта и осени производить зимою, и посредствомъ искусства еще изобрѣгаетъ пищу. Четыре части свѣта доставляютъ ее себѣ взаимно, тогда какъ самый маленькій уголокъ земли имѣетъ въ себѣ необходимое и достаточное пропитаніе, безвредное здоровью и согласное климату. Словомъ, животныя для необходимости достаютъ пищу, а человѣкъ живетъ только для нее, напримѣръ, роскошный богачъ. Лишимъ его возможности объѣдаться за жирнымъ столомъ, выпивать по нѣскольку бутылокъ вина, предоставимъ одну умѣренную пищу; натурально, онъ почувствуетъ спасительную перемену въ здоровьѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ жизнь покажется ему несносна: онъ болѣзнь предпочтетъ здоровью! Отнимемъ возможность у простомудима объѣдаться въ праздники до степени, которой слѣдуетъ порошокъ; онъ возненавидитъ жизнь, и тѣхъ, кто по-

ложилъ ему преграду. И такъ, если предположить, что въ первомъ дѣйствуетъ привычка и избытокъ, а во второмъ родъ жизни, то и въ такомъ случаѣ дурной навѣкъ не служитъ оправданіемъ тому, кто, зная о вредныхъ послѣдствіяхъ излишества, предается имъ и обращаетъ въ необходимость; равно и не образованный человѣкъ, при ограниченномъ своемъ понятіи, можетъ, если не разумѣть, то по крайности чувствовать и различать полезное отъ вреднаго.

«Положимъ, доказательства твои справедливы, но слишкомъ оскорбительны.»

—Натурально, человѣкъ такъ удаленъ отъ правды, что трудно выразить ее безъ оскорбленія. Если султанамъ, калифамъ, шахамъ, должно по необходимости открыть истину, то приступаютъ къ тому окольными путями, выжидаютъ удобное время, часъ, минуту, приготовляютъ постепенно, показываютъ изъдалека, будто нечаянно, въ тягостномъ от-

кровеніи принимаютъ робкій видъ, съ подобострастіемъ опускаютъ голову, выбираютъ, взвѣшиваютъ слова, и доводя рѣчь къ истинѣ, озираются, нѣтъ ли вблизи людей, которымъ поручено охранять ее. Если открываютъ правду вельможѣ, то наряжаютъ ее въ дурацкое платье, въ карикатурномъ видѣ, подъ веселый часъ толкнутъ въ кабинетъ; онъ смѣется наряду, иногда снимаетъ съ нее шапку съ погремушками, примѣриваетъ на свою голову, и дивится рѣдкости происшествія. Если говорятъ правду въ судѣ, то сначала прискиваютъ законъ, въ какомъ видѣ и въ какихъ словахъ выразить ее: иначе она почтется за дерзость, привяжутся, потребуютъ объясненія, и такъ разщелкаютъ, что въ чистѣйшей правдѣ по-неволѣ откроется ложь! И такъ истину, которая столь открыта и проста, что не требуетъ излишества, весьма часто выражаютъ отборными, вновь присканными, словами,

и вообще показываютъ не въ обнаженномъ видѣ, а надѣваютъ уборъ, которому время готовить выкройки, а необходимость велитъ наряжаться! Теперь я долженъ напомнить, что намъ пора спѣшить въ городъ. Скажи своимъ людямъ, что до ночи не возвратимся.

Розальмъ исполнилъ волю духа, осмотрѣлъ перемѣны въ жилищѣ, нашелъ во всемъ довольство, избытокъ, началъ снова благодарить необыкновеннаго покровителя; тотъ, пожавъ ему руку, вызвалъ на крыльце.— Прекрасная коляска въ четыре лошади ожидала; они сѣли, поѣхали, и когда домъ за пригоркомъ сталъ невидимъ, Мафусъ сдѣлалъ движеніе—коляска, лошади, люди, исчезли; они очутились въ густомъ, непроицаемомъ облакѣ, и понеслись быстрѣе вѣтра, менѣе часа опустились въ томъ самомъ мѣстѣ города, гдѣ наканунѣ случилось послѣднее происшествіе.

Розальмъ насилу собрался съ духомъ и сказалъ: «Здѣсь я окончилъ испытанія. Вотъ, вблизи погребъ. Въ шесть часовъ дослушаю повѣсть Антопа Ивановича. Куда же мы пойдёмъ?»

—Прямо по улицѣ, и надѣюсь, не оставимся безъ дѣла. Я нѣсколько времени проведу съ тобою. — А! да вотъ, кстати! смотри впередъ—видишь похороны? Ты объ нихъ слышалъ въ погребу; я долженъ тебя предупредить, что покойникъ былъ честный человѣкъ. Родной братъ, умирая, оставилъ ему значительный капиталъ и вятерыхъ дѣтей, съ духовнымъ завѣщаніемъ распоряжаться самовластно, безъ посредства опеки. Покойникъ слишкомъ выполнилъ волю брата, — умножилъ имѣніе, остался холостъ, чтобы и свое раздѣлить племянникамъ; онъ любилъ ихъ, какъ родныхъ дѣтей; внезапная смерть лишила возможности довершить благодѣланія къ роднымъ. Вотъ мы приблизились къ шествию.

Розальмъ увидѣлъ пышныя похороны: за хоромъ пѣвчихъ, трое изъ почетныхъ гражданъ несли на бархатныхъ подушкахъ медали, богатый гробъ окружали факелы, за нимъ шли три племянника съ двумя сестрами, зятьями, и нѣскольکو родственниковъ; шествіе заключалось длиннымъ рядомъ каретъ, колясокъ, и толпой пѣшаго народа, спереди, съ боковъ, сзади бѣгали полицейскіе, суетились и...

«Какъ неутѣшно плачутъ племянники и два зятя съ женами! Они вѣрно любили дядю?»

— Чрезвычайно! Ты въ этомъ можешь удостовѣриться, узнать мысли каждаго порознь. Начинай!

Розальмъ устремилъ глаза съ магическими очками къ зятю, и читалъ въ душѣ родственника: онъ проливалъ слезы и думалъ:

— Вотъ конецъ пяти - лѣтнимъ трудамъ моимъ! Награда за всѣ услуги, старанія угождать покойнику? Гдѣ дѣлся умъ

мой, вступая въ это скаредное семейство? Взять жену глупую, горбатую уродку, на которую нельзя смотрѣть безъ отвращенія, безъ досады слушать и стыдно показаться въ люди! Польститься на богатое приданое, повѣрить обѣщаніямъ, переносить досады, оскорбленія отъ вздорнаго стариченки! Онъ полагалъ все счастье въ деньгахъ, и былъ столько холоденъ, какъ желѣзный сундукъ, гдѣ онъ лежали! Сколько разъ я намекалъ ему о духовной. Гдѣ! подыметъ шумъ, взбѣсится! Онъ думалъ прожить вѣчно, и какъ на смѣхъ, скоропостижно протянулъ ноги. Теперь все имѣніе захватятъ бездѣльники шурины, бросятъ мнѣ какую нибудь бездѣлицу, и оставятъ потѣшаться съ горбатымъ уродомъ; и я еще долженъ тащиться за гробомъ! плакать!.....

Розальмъ отскочилъ отъ печальнаго зятя; Мафусъ сказалъ ему: Обратись къ другому.

— Какъ не ворочай, я въ барышахъ по милости покойника! Опъ выдалъ племянницу за чиновника, общалъ сто тысячъ рублей, а пожаловалъ только десять. Они все прожиты, осталась одна жена — прекрасная жена: куча свояковъ! и это существо еще думаетъ, что оказала мнѣ великую честь, давъ косолапую свою руку. — Пстой!.... только похоронять, вырву что нибудь у племянниковъ, а тамъ ее въ шею!

— Я тресну съ досады! глаза мои лопнутъ отъ слезъ! думала старшая племянница — умереть скоростижно, не оставить столько денегъ, чтобъ принудить мужа любить и угождать по неволѣ? Ну, куда ты копилъ золото? вѣдь не взялъ съ собою въ могилу? все осталось, и кому же? негодяямъ братишкамъ! Что тебѣ стоило при жизни рассчитать насъ, составить духовную, надѣлать побольше старшую племянницу, какъ хозяйку дома! Нѣтъ! кстати-ли поду-

мать о смерти? На зло всемъ хочется жить вѣчно? Да пускай бы себѣ жилъ, только бѣ оставилъ чѣмъ помянуть и поплакать на досугѣ.

Розальмъ обратился ко второй племянницѣ.

— Я кстати взяла спиртъ! Опъ такъ крѣпокъ: не успеешь поднести къ носу, и слезы польются; иначе, гдѣ бы ихъ взять? А плакать должно: признаюсь! есть о чемъ... Милая, любезная Даша! говаривалъ покойникъ! я люблю тебя болѣе всехъ; ты совершенный портретъ покойника брата; увидишь, какъ награжу.... и подлинно что наградилъ!.... А я, дура, вѣрила! Теперь милой племянницѣ хоть въ петлю лѣзть, такъ въ ту же пору. Прощайте, гулянья, пирушки, знакомцы, я не увижу васъ, какъ ушей своихъ! Теперь любезный супругъ перестанетъ цѣловать ручки, смотрѣть въ глаза и слѣпо исполнять мою волю; онъ заставитъ танцовать по своей дуд-

кѣ. Вѣдь надо же умереть невзначай и когда сестра случилась дома; иначе бы я маха не дала и помянула дялюшку у сундука.

Розальмъ подступилъ къ меньшему племяннику.

— Вотъ и на нашей улицѣ праздникъ! Насилу удалось прогуляться, и нехотя поплакать!... теперь полно брюзжать и конючить, не удастся держать меня въ заперти — самъ запертъ, и не выльзешь оттуда!... Пришла и моя пора повеселиться! И то около двадцати лѣтъ смотрѣлъ изъ-подъ руки скупаго, вздорнаго старика — и онъ еще вздумалъ учить, давать наставленія! Пстой! только разочтусь съ братьями, приласкаюсь къ Серафимѣ, возьму къ себѣ маленькую мою Пашу, одѣну какъ куколку — пусть сестрицы лопнутъ съ досады глядя на нее, и что не успѣли обобрать дялю!

Средній племянникъ казался всѣхъ печальнѣе; онъ шель потупивъ голову, и разсуждалъ: Надо скорѣй возвратиться домой: мнѣ наскучило плакать и нѣсколько часовъ шататься взадъ и впередъ! О! только придемъ съ кладбища, накормлю голодную родню, и мигомъ любезныхъ сестрицъ съ муженьками въ шею — полно имъ строить каверзы! я припомню, какъ ссорили меня съ дядей!... полно прибирать лучшія вещицы, и такъ довольно постянули!... не могу безъ досады вспомнить: въ новый годъ старикъ подарилъ мнѣ бездѣлицу, а имъ золотыя табакерки въ тысячу рублей? Грабители! Вамъ табакерки въ тысячу рублей! пришли въ домъ съ оборванными локтями, а тамъ вздумали щеголять лучше законныхъ наследниковъ. Какъ они подшучивали надомной! какъ насмѣшивали глядѣли, особенно чиновникъ! Да и теперь смотрять какъ звѣри! Плачуть — О! крокодильи слезы! Вамъ не дя-

ди жаль.... а духовной!.... она, по милости паралича, не совершилась и поубавила вамъ спѣси!

— Да! (шепталъ старшій) теперь надо поступить умненько, всѣхъ приласкать, обнадежить, протянуть раздѣль, выманить довѣренность, подь видомъ сбора долговъ и приводомъ въ извѣстность капитала, а тамъ все бездѣлица! Меньшаго брата стоить чаще подпаивать, всунуть свертокъ золота его любовницѣ, напустить совѣтника, и онъ съ-пьяна на все согласится. Средній такъ алченъ къ деньгамъ, что попадетъ въ мои сѣти: я представлю ему какойнибудь торговый оборотъ, вскружу голову барышами; онъ подпишетъ векселя, которые всѣ попадутъ въ мои руки. Если Господь поможетъ мнѣ уладить — тогда, любезные зятюшки, я васъ вышкрою! Челобитную! прямо въ судъ — вы ограбили наследниковъ; и не только не дамъ, что обѣщаль дядя, да и то вымучу, что получили!

Пусть не мнѣ, такъ достанется судьямъ: они пригодятся впередъ, а тамъ повѣсьте себѣ женъ на шею, или продайте съ аукціона; мнѣ это все равно. А если подумать, всему виновать покойникъ! Что ему стоило меня, какъ старшаго въ семействѣ, назначить попечителемъ имѣнія: тогда бѣ безъ хлопотъ и убытковъ я разсчитался съ братьями. Худо, если старики не думаютъ о послѣдствіяхъ, живутъ долго, и не упрочатъ капиталъ въ одиѣ руки. Теперь и по неволѣ не разъ тронешь кости покойника. — Да! сказать правду, онъ былъ самый пустой человѣкъ: вздумалъ раздробить капиталъ! это ужасно! и ему такія похороны! богатый гробъ!... истратить десять тысячъ рублей, чтобъ опустить въ землю и засыпать землею! Ахъ, Господи Боже мой! да онъ и живой не стоилъ десяти!

Розальмъ отошелъ въ сторону — (читатели не забудутъ, что испытатель и духъ не видны и не слышны) «Мафусъ! теперь

я вижу, что имѣю дѣло съ чортомъ Твои очки морочать меня! Какихъ негодяевъ показываютъ они?»

—Людей! Не хочешь ли узнать мысли дальнихъ родственниковъ?

«О! нѣтъ! нѣтъ! Если самые близкіе, кровные, такъ думаютъ, чего же ожидать отъ другихъ?»

—Ты правъ; однако же посмотри на воспитанницу покойника.—Онъ показалъ на молодую прекрасную дѣвушку; она шла вдали отъ гроба, съ довольно покойнымъ лицомъ.

«Судя по наружности, нельзя ожидать душевной скорби; но привлекательное личико заслуживаетъ вниманіе.» Розальмъ обратилъ къ ней очки, и читалъ мысли дѣвицы.

—Я не пойду близко къ роднымъ твоимъ, не смѣшаю слезъ моихъ съ притворствомъ..... да и плакать не въ силахъ: истинная скорбь въ душѣ, а не въ слезахъ. Восьми лѣтъ я осталась сир-

тою, безъ покровъ и пристанища; ты призрѣлъ меня! Четыре года я жила счастливо въ домѣ твоёмъ, стала выростать, мыслить, чувствовать цѣну благодарній; племянники твои съ сестрами смотрѣли на меня съ завистію; онѣ думали, что ты удѣлишь мнѣ частицу имѣнія; ты замѣтилъ ненависть, сталъ любить болѣе, и чтобъ избавить отъ упрековъ, отдалъ въ училище, съ нѣжностію отца заботился и доставлялъ все необходимое. Ахъ! ты переселился въ вѣчность, оставилъ мнѣ гораздо болѣе богатства: добродѣтель, душу и сердце: они умѣютъ любить и чувствовать благотвореніе! Тобою я получила возможность доставать необходимое къ жизни и никого не отягощать собою! Миръ праху твоему! Если я отыщу друга и онъ, не смотря на бѣдность мою, предложитъ руку, если получу имя матери, то первое слово дѣтей моихъ будетъ имя твое— я приведу ихъ къ гробу твоему и скажу: Дѣти! здѣсь

покоится отецъ и благодѣтель матери вашей! Поклонитесь ему, и скажите со мною: добрый человекъ! миръ! миръ праху твоему!

«Милая дѣвица! теперь ты еще прелестнѣе въ глазахъ моихъ! О Мафусъ! Мафусъ! какая противоположность въ сердцахъ людей, и сколь обманчива наружность? Однако же я увѣренъ, что эти родственники примѣрные, и трудно отыскать подобныхъ имъ?»

— Напротивъ! родственники всегда останутся родственниками, особенно до раздѣла наслѣдства: связи, расчеты, необходимость сближенія, умножаютъ ненависть ихъ; онѣ, встрѣтаясь, пожимаютъ дружески руки, цѣлуются, посѣщаютъ себя взаимно; но если проникнуть душу..... но обратимся къ тебѣ: если бѣ послѣ предательства Юліи ты умеръ въ помѣсть, то, по первому эстафету Доминуса, она бы прискакала со всѣмъ семействомъ своимъ, стала рыдать, рвать-

ся, падать въ обморокъ. Теща и тетка, утѣшая отчаянную вдову, ревѣли бы во все горло. Баронъ не отымалъ бы платка отъ глазъ, устроилъ пышныя похороны. Словомъ, жена и родственники, идя за твоимъ гробомъ, составили бы постороннимъ сцену, которую ты видѣлъ за нѣсколько минутъ, съ тою только разницею, что зятя съ женами бранили дядю, племянники радовались, составляли планъ ограбить другъ друга, а твои наслѣдники только бѣ радовались, что имѣніе безпрепятственно оставалось въ полной ихъ власти.

«Ты правъ, Мафусъ! Преждевременная смерть моя составила бѣ торжество Юліи и родственникамъ. О люди! поздно начинаю узнавать васъ!»

— Совсѣмъ нѣтъ! довольно рано: ты проживешь болѣе, чѣмъ жилъ, и вѣрно, не позволишь обмануть себя вторично, не станешь искать счастья тамъ, гдѣ

оно не существуетъ, не станешь вѣрять женщинамъ и услужливымъ друзьямъ; будешь остороженъ, недовѣрчивъ, и посмотришь на счастье, какъ на прекрасный цвѣтокъ, который всѣ желаютъ сорвать, и не умѣютъ сохранить отъ времени—а болѣе отъ людей. Теперь простимся. Продолжай свои наблюденія; мнѣ надо поспѣшить въ другое мѣсто. Мы скоро увидимся. Духъ исчезъ; Розальмъ пошелъ впередъ.

Онъ очутился на Невскомъ проспектѣ и увидѣлъ, что мужчина пожилыхъ лѣтъ и благородной наружности проворно выскочилъ изъ коляски, и бросился обнимать молодаго человѣка.

— А!... наконецъ мнѣ удалось поймать васъ! Не стыдно ли, сударь, жить двѣ недѣли въ столицѣ, и не завернуть къ старому другу семейства? Нѣсколько разъ я заѣзжалъ въ вашу квартиру, посылая человѣка съ запискою, и все не

имѣлъ удовольствія дождаться пріѣзда. Посѣтите насъ! Мы ожидаемъ съ нетерпѣніемъ, особенно дочь Ольга: она помнитъ, какъ играла съ вами въ жмурки! Теперь выросла — невѣста. Пріѣзжайте, мы вамъ ради отъ всего сердца! Считайте домъ мой за собственный: сынъ друга всегда будетъ въ немъ принятъ какъ родной.— Ахъ, какъ вы походите на бабушку! Ростъ, глаза, носъ — ну, чистый портретъ! Жена моя отъ радости сойдетъ съ ума. Она почитаетъ старика! Дайте честное слово пріѣхать къ намъ. Вы увидите моихъ пріятелей: все люди почетные; познакомитесь съ ними. Мы постараемся доставить вамъ всѣ удовольствія. Вы человѣкъ заѣзжій, первый разъ въ столицѣ: вамъ нужно знакомство, хорошій кругъ, — гдѣ же лучше отыскать, какъ не въ домѣ знакомца? Такъ, сударь! мы васъ завербуемъ, не выпустимъ. Такой прекрасный молодецъ долженъ находиться въ обществѣ! — Молодой человѣкъ

съ учтивостію благодарилъ за привѣтствіе, далъ слово посѣтить; пріятель отца обнялъ его, нѣсколько разъ повторилъ приглашеніе, и уѣхалъ.

«Вотъ честный человѣкъ! Вся наружность показываетъ, что онъ изъ числа старинныхъ друзей, дорожитъ знакомствомъ и расположенъ къ добру.» Такъ думалъ Розальмъ и взглянулъ на записку.

«Точно, это самый честный человѣкъ: онъ держитъ у себя въ домѣ карточный притонъ; знаетъ, что молодой человѣкъ пристрастенъ къ картамъ, рѣшился обиграть его, скоро поссорить съ отцомъ, и обереть, какъ говорится, до ниточки.»

«Это, право, диковинка! Все, что мнѣ кажется превосходно, очки выставляють въ дурномъ видѣ. Ахъ, Мафусъ говоритъ правду: наружность обманчива!»

«А это что? Вывѣска! продажа ведрами и штофами вина! Посмотримъ:

Невидимка отворилъ дверь въ лавку и увидѣлъ среднихъ лѣтъ человѣка въ сюртукѣ; онъ важно сидѣлъ за стойкою, пощелкивалъ пальцами штофы: нѣтъ ли на нихъ трещинъ; бородка у него торчала клиномъ изъ-подъ галстука; узкіе, сѣрые глаза проворно обращались на всѣ стороны; короткій носъ, украшенный двумя бородавками, составлялъ симетрію желтоватому лицу, впавшимъ щекамъ; подбородъ отвисъ и раздвоился такъ, что каждая часть составляла особую половину; широкія губы и язвительная улыбка обозначали вообще въ чертахъ лица нѣчто злое и коварное.

Съ приходомъ Розальма остановилась на улицѣ противу дверей лавки коляска; вошли два лакея съ кучеромъ; одинъ изъ нихъ подалъ ассигнацію въ 50 рублей, просилъ отпустить три ведра вина и не обмѣрять; хозяинъ съ учтивостію взялъ деньги, приказалъ сидѣльцу отворить крапъ и говорилъ:

— Вотъ, господа, посмотрите, у насъ не обмѣриваютъ. Слава Богу, на мой намѣръ никто не пожалуется. Винцо лучшее, свѣженькое, только что привезли изъ городка— посмотримъ, легка ли у васъ рука.

— Очень легка, отвѣчалъ лакей, только прикажите долить мѣру: въ ней не достаётъ почти бутылки; эдакъ на три ведра не хватитъ штофа. Мы люди господскіе; баринъ не подумаетъ на васъ; скажетъ, что мы отлили себѣ. Я изъ чести дамъ полтину на водку, только отпустите сполна.

— Доливай, Сидоръ! Зачѣмъ обижать добрыхъ людей? Ну, братцы, лейте въ бутылъ. Кажется, полнѣе отмѣрять нельзя! Давайте, я вамъ пособлю!

— Чего пособлю! закричалъ кучеръ, у котораго разгорѣлись глаза при видѣ бочекъ и штофовъ, а въ головѣ шумѣло отъ похмѣлья,—вы еще больше отли- и въ боровикъ, чѣмъ прежде! Смотри-

те же у меня вѣдры и воронки полетятъ къ чорту; я шутить не люблю.

«Бездѣльникъ! ты смѣешь кричать? Забылъ гдѣ? съ кѣмъ говоришь?»

— Гдѣ? Здѣсь! говорю съ тобою!

«Какъ съ тобою? Да развѣ здѣсь питейный домъ?»

— Ну, пожалуй, штофная, все равно. Эка невидальщина! А говорю съ тобою— видалъ я вашу братью!

«Негодяй! я тебя вытолкаю въ шею!»

— Попробуй! отвѣчалъ, подбоченясь, кучеръ; увидимъ кто кого? Я вѣдь дѣлто и самъ знаю! Здѣсь не велятъ драться, если васъ и поколотятъ!

— Полно, Иванъ! сказалъ одинъ изъ лакеевъ, перестань шумѣть, это не простой цаловальникъ, а хозяинъ штофной.

— Эка важность! Такъ пусть и мѣряетъ по хозяйски! Не уступлю капли господской! Наливай полнѣе вѣдра; а то, чортъ меня возьми, выйдетъ плохо! Пусть баринъ откатаетъ, да и я маху не дамъ;

перешупаю всѣмъ ребра! — Наливай, чортово пугало!

«Постой, пьяница, я раздѣлаюсь съ тобою! — Эй, Сидоръ! бѣги, позови будочника.

— Будочника? Подавай ихъ сюда — за одно отдуваться.

— Полноте шумѣть! сказалъ лакей; онъ пьянъ; пожалуйста назадъ деньги; мы пойдемъ въ другую штофную. Богъ съ вами!

«Въ другую штофную? Развѣ здѣсь нѣтъ вина? развѣ я хуже другихъ? Подлецы! вздумали страмить меня, братъ назадъ деньги! Постой, вы узнаете съ кѣмъ завели дѣло!»

— Мы это знаемъ; да все рѣчь не о томъ: пожалуйста назадъ деньги, или отпустите полныя мѣры; не то, мы пойдемъ жаловаться; нашъ баринъ служить у N....

При этомъ страшномъ названіи, продавецъ утихъ, перемѣнилъ обращеніе, и,

запинаясь, говорилъ: «Вотъ, что называется, отвѣчать умно и резонно! Сидоръ, не ходи за будочникомъ, оставь повѣсу; онъ, кажется, добрый малой. Наливай снова, да смотри, по пріятельски, ни капель не обмѣрь.»

— Давно бы такъ! кричалъ кучеръ. Ай, да Сидоръ! славно! вотъ, какъ говорится, черезъ край! Ну, хозяинъ, прикажи дать стаканъ вина хватить за твое здорье?

«Сидоръ, налей ему. Только впередъ не дурачься, а то выйдетъ плохо.»

— Ай, да вино! какъ мурашками дернуло по животу. Спасибо, хозяинъ! Ну, теперь поцѣлуемся!

«Полно дурачиться, Иванъ!»

— Не хочу! Говорятъ, поцѣлуемся! Не пойду отсюда.

«Иванъ, видишь лошади не стоятъ.»

— Не пойду, завалюсь за бочку—эка бѣда! На томъ свѣтѣ всѣ будемъ равны: здѣсь я кучеръ, онъ купецъ. Богъ вѣсть,

все можетъ статья, и я.... Ну, давай руку, поцѣлуемся! Виновать, я обидѣлъ вашу милость.

Между тѣмъ лакеи взяли вино, отдали обѣщанную полтину; продавецъ не обидѣлъ отказомъ. Вотъ вышелъ и Иванъ, взобрался на козлы, махнулъ по лошадямъ плетью, свиснулъ и закричалъ: ой, вы, разумники! покатывай!

Розальмъ, видѣвъ этотъ комическій случай, подумалъ: любопытно знать, что впоследствии времени выйдетъ изъ продавца штофной лавки, и вдругъ на стѣпѣ очутилась предъ нимъ картина.

Торговецъ сидѣлъ въ креслахъ въ убранной комнатѣ, безъ козлей своей бородки, и читалъ публикацію о продажѣ дома; передъ нимъ стояли двѣ молодыя женщины и три мальчика: первыя были одѣты въ матерчатые платья по послѣднему журналу и имѣли въ лицѣ большое съ нимъ сходство; послѣдніе въ новенькихъ суконныхъ сюртучкахъ. У дверей два

человѣка, въ купеческомъ платьѣ, имѣли добрыя лица, и униженно наклонили головы (какъ должно полагать, предъ хозяиномъ дома, или квартиры); впереди стоялъ человѣкъ съ плутовскимъ лицомъ и рукою давалъ знакъ просителямъ, чтобъ молчали.

Картина означаетъ, что этотъ торговецъ разбогатѣлъ. Любопытно знать, какъ это случилось? Записка очутилась въ рукахъ невидимки.

Человѣкъ, котораго ты видѣлъ въ натурѣ и на картинѣ, обмѣромъ водокъ и вина, ручными закладами, и всѣми не позволенными средствами, въ теченіе десяти лѣтъ разбогатѣетъ, запишется въ купечество, пустится въ подряды, и прослыветъ честнымъ человѣкомъ. Эти двѣ дѣвицы, его дочери, выйдутъ замужъ за бѣдныхъ чиновниковъ съ большимъ приданымъ; а маленькихъ сыновей онъ опредѣлитъ въ службу. Дѣти оставятъ свое сословіе, скоро забудутъ прежній бытъ

стануть презирать прежнихъ знакомцевъ, родственниковъ, и ненавидѣть всѣхъ; новое знакомство вспомнить старину, будетъ напоминать объ ней, осмѣивать за дерзость, гордость и поступки, которые съ переменною судьбы не могли истребить закоренѣлыхъ въ невѣжествѣ и низости нравовъ.

Два человѣка у дверей просятъ богача о покупкѣ ихъ домовъ, назначенныхъ въ продажу съ аукціона, а третій съ плутовскимъ лицомъ есть маклеръ; онъ пресмыкается, ползаетъ передъ богачами, и двумъ бѣднякамъ далъ слово за двадцать пять процентовъ склонить Кубышкина (имя хозяина) купить ихъ домъ.

Картина исчезла. Розальмъ пожалъ плечами, и сказалъ: «точно, все идетъ къ лучшему — вышелъ изъ штофной лавки, пустился по улицѣ, видѣлъ, слышалъ, проникалъ мысли людей; три часа ударило на городской башнѣ — пора объ-

дать, а въ шесть часовъ навѣстить погребъ. — Повѣсть Антона Ивановича служить лучшимъ испытаніемъ сердца человѣка! Но какъ я войду въ ресторацію? Если тамъ случится знакомый, узнаетъ меня? Нѣтъ, я невидимъ, разсмотрю всѣхъ, и если не замѣчу подозрительное лицо, то сниму очки.

На правой рукѣ улицы Розальмъ увидѣлъ вывѣску «Трактиръ П....» Дверь невидимо отворилась, испытатель вошелъ. Во второй комнатѣ отъ буфета сидѣли, за круглымъ столомъ, канцелярскіе чиновники; предъ ними стоялъ графинъ съ настойкою и большое блюдо съ пирожками; они уплетали ихъ такъ проворно, что послѣдніе куски сталкивались въ горлъ съ предшественниками своими. Малорослый человѣкъ въ черномъ фракѣ заботился угостить приказныхъ, кричалъ на служителей, чтобъ несли скорѣй уху, холодное, жаркое, и

мадеру; когда блюда уставили на столъ и пирожки исчезли, то гости принялись плотно за новую работу, сначала молча, а потомъ съ разговорами. Розальмъ узналъ, что малорослый челоѣкъ провинціалъ, недавно прїѣхалъ въ столицу, по тяжбному дѣлу, познакомился съ этими господами, чтобы достать копїи съ нужныхъ ему бумагъ.

Обѣдъ шель своимъ порядкомъ, и такъ проворно, что можно подумать, будто гости нѣсколько дней сидѣли голодомъ. Вдругъ тишина измѣнилась, подали горское, пробки полетѣли; всѣ закричали: браво! за ваше здоровье! Эй, челоѣкъ! наливай, шевелись! — Провинціалъ кланялся, просилъ пить, бутылки скоро осушились до дна — гости намекнули подать другія, потомъ третьи, и сказали, что до ужина останутся въ трактирѣ: это значило, что бѣ прїятель не уходилъ и готовилъ деньги для расплаты. Уѣздный житель поморщился, пошелъ въ бу-

фетъ съ распоряженіемъ, — вынулъ бумажникъ, чтобы расплатиться за обѣдъ, и оставить задатокъ для ужина. Едва онъ оставилъ комнату, одинъ изъ приказныхъ засмѣялся и сказалъ: Эдакой чудакъ! прямо деревенскій чурбанъ! думаетъ отдѣлаться обѣдомъ и винами! Нѣтъ, пустое! прибавить и наличными!

— А что мы ему едѣлаемъ? перебилъ другой. Дѣло жирное, лежитъ взаперти — какъ достать копїи? Лучше пойдёмъ домой: совѣстно обманывать челоѣка; мы и такъ стоимъ ему дорого.

— Эге, братъ! видно горское выдавило совѣсть твою изъ желудка на языкъ; иначе бы мы не слышали о ней. Правда, это кстати: ты скоро выходишь въ отставку, ѣдешь на родину, и вѣрно хочешь ее продать для облегченія въ пути.

Розальмъ усмѣхнулся, пошелъ въ другія комнаты, и увидѣлъ совершениую

противоположность. Старикъ почтенной наружности съ сѣдою головою угошалъ за столомъ двухъ пріятелей, почти однихъ съ собою лѣтъ; невидимка занялъ у окна стулъ и слушалъ :

—Такъ, друзья мои! эта пирушка, которую вамъ даю, случилась первый разъ въ теченіе двадцати лѣтъ. Мы давно знакомы, а рѣдко видѣлись: причиною тому бѣдность. Я стыдился показать себя людямъ въ поизношенной одеждѣ. Теперь судьба моя перемѣнилась, я отыскалъ васъ и пригласилъ въ трактиръ на радости выпить со мною; вы хотѣли знать, какъ я разбоготѣлъ; это происшествіе я описалъ; слушайте.—Онъ надѣлъ очки и принялся за тетрадь.

«Я находился въ службѣ, и вдругъ жестоко занемогъ. Какъ у меня водились кой-какія денженки, то съ ними пріѣхалъ въ столицу, въ надеждѣ вылечиться отъ жестокой болѣзни, и отыскать спокойнѣе мѣсто. Здѣшніе гг. доктора

усердно принялись меня пользоваться, и въ теченіе двухъ лѣтъ кошелекъ мой сталъ пустъ, какъ внутренность барабана; я остался съ однимъ только пансіономъ. Я отыскивалъ мѣсто; это продолжалось нѣсколько лѣтъ; ноги мнѣ измѣнили, терпѣніе прекратилось, время ушло, горе и бѣдность ускорили старость.

«На Петербургской сторонѣ я нанялъ уголь у двухъ старушекъ за полтора рубля въ мѣсяць, и въ новую квартиру перевезъ всю мою собственность: она заключалась: въ простомъ столѣ, изломанномъ табуретѣ, на трехъ ножкахъ кровати, соломенномъ тюфякѣ, подушкѣ, старомъ мундирномъ сюртукѣ, плащѣ, клеенчатой фуражкѣ и трости; послѣдняя вещь служила мнѣ пособіемъ ходить на поклоны и отмахиваться отъ собакъ. Нѣсколько лѣтъ я жилъ постоянно въ одномъ мѣстѣ; хозяйки меня полюбили; онѣ кормились работою и подаваніями добрыхъ

людей, приносили домой хлѣбъ, булки, иногда куски говядины, и дѣлились со мною; взами я угощалъ ихъ виномъ—старушкамъ это очень нравилось. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, я вышелъ на крыльцо подышать свѣжимъ воздухомъ, и вдругъ увидѣлъ коляску; она быстро вкатилась во дворъ, лакей отперъ дверцы, человекъ довольно видный собою спросилъ (развертывая лоскутокъ бумажки): Не здѣсь ли живетъ Сели...версть Кузьмичъ Калека? — Здѣсь, сударь! отвѣчалъ я съ удивленіемъ, что господинъ ѣздитъ въ коляскѣ, знаетъ мое имя и фамилію!

— Какъ я радъ, что отыскалъ васъ скоро. Скажите, сударь, вы очень стары и бѣдны?

«То и другое видно по лицу моему и плащу. Извините, что встрѣчаю въ немъ: сюртукъ, по ветхости, хозяйки взяли вычинить; да вотъ бѣда, онѣ почти ослѣпли, и гдѣ надо зашивать, тамъ порюють.

— Это хорошо. Гдѣ же ваша квартира?
«Здѣсь; въ подвалѣ!»

— Вы занимаете комнату?

«Какъ же! Въ углу на цѣлой квадратной сажени.»

— И такъ это все правда, что мнѣ сказывали, продолжалъ съ улыбкою незнакомецъ. Послушайте, сударь, мнѣ нужно поговорить съ вами. Не подслушаютъ ли насъ?

«Помилуйте! хозяйки мои въ слѣпотѣ, не давно оглохли, и теперь трудятся надъ сюртукомъ; ко мнѣ никто не ходитъ, не слушаетъ, и даже цѣпная собака перестала на меня лаять.»

— И такъ, почтеннѣйшій Селиверстъ Кузьмичъ, хотите ли вы поправить свое состояніе, то есть, разбогатѣть?....

«Полноте смѣяться; я не охотникъ до шутокъ, и при всей бѣдности».....

— Помните, что вы маіоръ; я это не забылъ; уважаю старость, и не признаю бѣдности. Я васъ еще спрашиваю:

угодно ли вамъ разбогатѣть, и провести остатки дней спокойно, безъ заботы?

«Это значить, спросить больнаго, хочетъ ли онъ выздоровѣть; однако же я еще повторяю, что шутокъ не люблю..»

— Очень вѣрю. Дайте слово, что исполните мою просьбу, и въ минуту увидите на опытѣ, что говорю правду: честное слово! и мы приступимъ къ дѣлу.

«Извольте! это послѣдняя моя собственность. Скажите, что я долженъ сдѣлать?»

— Бездѣлицу: жениться!

«Мнѣ жениться? Извините, вы потеряли разсудокъ: мнѣ скоро семьдесятъ лѣтъ, я нищій!»

— Слушайте, слушайте: вечеромъ пріѣдетъ сюда портной, обмундируетъ васъ какъ нельзя лучше; а теперь возьмите въ задатокъ пятьсотъ рублей. Послѣ завтра, въ сумерки, пришлютъ за вами карету, вы пріѣдете къ невѣстѣ, позна-

комитесь; посѣщенія продолжатся не долго, а тамъ и бракъ.

«Видно, эта невѣста ученая дѣвица или вдова, большая охотница до древности — кто она?»

— Женщина молодая, прекрасная; у ней двѣ тысячи душъ, посудите? Мужу причитается пять сотъ.

«Ахъ, Господи! я думалъ, что имѣю только одну собственную, а получаю пять сотъ! Если это не шутки, то прикажите меня обвинять поскорѣе. Онъ подтвердилъ слова, вручилъ мнѣ пятьсотъ рублей и уѣхалъ. Вечеромъ пришелъ портной, снялъ мѣрку, и божился, что сошьетъ отличную пару.»

— Тутъ я увѣрился, что избавлюсь отъ крайности и остатки жизни проведу спокойно.

«На другой день принесли мнѣ щегольской парикъ, новую аммуницію, бѣлье, и все необходимое, а въ добавокъ, золотую табакерку съ часами. Я нарядился

франтомъ, посмотрѣлъ въ зеркальный обломокъ, самъ себя не узналъ, усиливался не горбиться, стоять прямо, ходить бодро; мнѣ казалось, что сталъ тридцатью годами моложе, а старушки подумали, что я нашелъ кладъ и отъ радости помѣшался въ умѣ.

Въ модной каретѣ привезли меня въ богато убранный домъ; я увидѣлъ мою невѣсту; она показалась мнѣ стройною молодою женщиною; мы скоро познакомились; на восьмья сутки обвѣнчались. Съ окончаніемъ обряда я поцѣловалъ повобрачную: эту первую услугу я могъ исполнить въ точности. Вотъ, я переселился въ домъ жены; мнѣ отвели особыя комнаты—супруга вздумала жить по модѣ, на двѣ половины. Къ намъ часто собираются гости, я выхожу къ нимъ, знакомлюсь, и живу какъ нельзя лучше. Въ счастіи не забылъ старушекъ хозяекъ, переселилъ ихъ въ Коломну, нанялъ имъ квартиру за 20 рублей съ водою: мнѣ

казалось не приличнымъ оставить ихъ на Петербургской сторонѣ; тамъ живутъ большою частію бѣдняки, а въ Коломнѣ оставные чиновники. И такъ, я могъ навѣщать пріятельницъ безъ стыда. Черезъ восемь мѣсяцевъ родился у насъ прекрасный мальчикъ, наследникъ моему имени; я приласкалъ малютку, поцѣловалъ мать, и поступилъ во всемъ какъ отецъ, а бездѣльники людишки, смотря на насъ, улыбались, вѣрно потому, что ребенокъ весьма похожъ на меня, а именно: на головѣ моей весьма мало волосъ, а въ роту нѣсколько зубовъ—у мальчика первыхъ тоже очень не много, а послѣднихъ вовсе нѣтъ, что и производитъ между нами большое сходство. Вотъ, мы справили крестины, я развеселился, и шутя сказалъ свату: любезный другъ, если, по несчастію, я овдовѣю, то позаботься оженить меня вторымъ бракомъ на первыхъ условіяхъ. Ну, господа! теперь выпьемъ за здоровье моей супруги и сына!

Старикъ засмѣялся, поздравили пріятеля и принялись за стаканы; самъ Розальмъ не могъ удержаться отъ смѣха, устремилъ взоры къ маіору, и увѣрился, что добрый, веселый старикъ справедливо описалъ исторію своей жизни.

Розальмъ пришелъ въ погребъ, увидѣлъ тамъ вчерашнюю компанію; они тѣснились вокругъ Антона Ивановича; тотъ, взявъ прежнее положеніе, говорилъ:

— Господа! каковъ медвѣдь! напугалъ порядкомъ! я думалъ, что попаду къ нему въ лапы. Откуда онъ взялся? Вѣрно привезенъ на баркахъ, для продажи, разорвалъ цѣпь, и пожаловалъ провожать насъ. Въ этотъ вечеръ поступимъ осторожниче: вышлемъ осмотрѣть, нѣтъ ли вблизи косматаго пріятеля, а иначе, не выйду изъ погреба, завалюсь спать: лучше товарищами имѣть штофы и бутылки, чѣмъ медвѣдя. Да скажите? гдѣ нашъ Запоинъ? Ждать его или продолжать мою повѣсть?

— Продолжать! продолжать! повторили нѣсколько голосовъ; пословица говоритъ: семеро одного не ждутъ! Онъ вѣрно на похоронахъ, поминаетъ покойника, а оттуда не выживешь пріятеля и дубиной!

«Дѣло! Выпьемъ по стакану—и за тетрадь!» Антонъ Ивановичъ надѣлъ очки. «Я вчерась остановился, какъ мы забавлялись надъ лазутчикомъ. Слушайте:

«Въ десять часовъ утра іезуитъ явился къ намъ, спросилъ у Параши, можно ли видѣть Туанету! и на отвѣтъ, что госпожа нездорова, пошелъ къ Шарону. Тотъ на ласковое привѣтствіе отвѣчалъ сухо, и просилъ заняться лекціей. Зная нравъ его, Шедоній не обратилъ вниманія на пріемъ, относительно же Туанеты, конечно, полагалъ, что притворилась больною, и приметъ послѣ, какъ случалось прежде. Онъ сталъ у черной доски, и вдругъ... загремѣла у крыльца коляска — не извѣстный мужчина вошелъ

къ намъ съ человекомъ важной наружности: Это былъ отецъ Вилькама, съ докторомъ.

— Гдѣ мой сынъ? спросилъ холодно Англичанинъ.

— Въ меньшомъ классѣ, милостивый государь! отвѣчалъ съ учтивостію г. Шаронъ, отворивъ слѣдующую дверь.

— Мнѣ нужно поговорить съ нимъ особо. Назначьте комнату! Шаронъ указалъ на извѣстный кабинетъ.

«Съ пріѣздомъ и началомъ разговора посѣтителя, іезуитъ поблѣднѣлъ, уронилъ мѣлъ, которымъ писалъ на черной доскѣ.

— Что съ вами сдѣлалось? спросилъ князь.

— Такъ, ничего; я забылъ исполнить важное дѣло: мнѣ поручили посѣтить больного. Ахъ! если справедливо рассказываютъ объ немъ, то несчастный достоинъ сожалѣнія. Я не прошу себѣ такой безпечности.

— Да вы не докторъ! Больной подождетъ. Сдѣлайте одолженіе, продолжайте: предметъ весьма занимателенъ; вы начали ...

«Полноте, князь! Я долженъ непременно исполнить порученіе: это лежитъ на душѣ моей. Черезъ полчаса возвращусь, и удовлетворю похвальное ваше любопытство.»

— О, нѣтъ, сударь! возразили нѣсколько голосовъ, мы васъ не выпустимъ; прежде исполните нашу просьбу. И будто шутя, заперли дверь.

«Іезуитъ понялъ, въ чемъ состоитъ дѣло, сохранилъ присутствіе духа, отвѣчалъ: «Господа! я не люблю шутокъ! А предметъ отсутствія столь богоугоденъ, что я принужденъ отказать вамъ. Пожалуйста ключъ?»

— Подождите минуту. Отецъ Вилькама пріѣхалъ съ докторомъ; мы попросимъ его отправиться вмѣстѣ съ вами къ больному—вы окажете два благодѣянія: по-

молитесь, дадите на лекарство. Что за шумъ въ кабинетъ? Это любопытно! Я отперъ дверь г. Шарону, шедшему къ намъ въ испугъ. Антоній! князь, Лестовъ, и вы, Шедоній, пожалуйста въ кабинетъ! сказалъ учитель.

«У іезуита подкосились ноги; онъ не торопился исполнить приглашеніе.»

— Что же онъ нейдетъ? кричалъ Англичанинъ. Я притащу за ворота!

— Пойдемте, тамъ вѣрно судятъ объ ученомъ предметѣ; иначе столь учтиво не станутъ приглашать. Мы взяли его подъ руки и насильно втащили въ кабинетъ.

Повтори, Вилькамъ, говорилъ Англичанинъ: какъ пропали у тебя деньги? кто научилъ обманывать меня? когда ты занемогъ, и отъ чего? Мальчикъ указавъ на Шедонія, рассказалъ всѣ подробности.

— И ты осмѣлился развратить ребенка? продолжалъ отецъ Вилькама, внушать ему постыдныя страсти, красть и обманы-

вать родителей? подвергнуть жестокой болѣзни и скрыть ее? Нѣсколько еще дней, и онъ могъ умереть! Отвѣчай на мои вопросы!

Милостивый государь! я не имѣю чести васъ знать! Не понимаю предмета вопросовъ, не увѣренъ, ко мнѣ ли они относятся. Я слышу ругательства, укоризны; оставьте ихъ, скажите вразумительно, что вамъ угодно? Я стану отвѣчать, если найду вопросы не противными моему званію?

— Сбрось маску, и слушай. Я тебѣ повторю: сынъ мой признался, что по совѣтамъ твоимъ обманывалъ меня, бралъ деньги, дѣлился съ тобою, занемогъ въ твоей квартирѣ и ты его лечилъ секретно. Ну, теперь отвѣчай?

— Боже правосудный! возопилъ іезуитъ, поднявъ голову и руки къверху; если слышанное не мечта, не сонъ искусителя, то покорюсь волѣ Твоей, безъ ропота приѣмлю позоръ и наказаніе! Такъ

я грѣшникъ, Ты положилъ на вѣсы правосудія дѣла мои, взвѣсилъ и поразилъ клеветою. Не ропщу, да будетъ воля Твоя! и...

— Bravo! Онъ мастерски играетъ свою ролю. Но вотъ свидѣтели. Онъ указаль на насъ.

«Мы подтвердили слова Вилькама, и что съ нами случилось то же самое. Прикажете сыну, говорилъ князь, принести лекарства, и тогда не о чемъ будетъ спрашивать.

Тутъ іезуитъ превзошелъ наше ожиданіе. Дѣти! обвиняйте! выискивайте преступленія! Я прощаю клеветникамъ, стану молить Всевидящаго невинность мою, чтобы Онъ простилъ васъ! Да отпустится вамъ грѣхъ этотъ, не отяготитъ душу угрызеніемъ совѣсти, не станетъ терзать подобно убійцамъ, бѣгущимъ тѣни своей, которые съ клеветниками нераздѣльны: они различными средствами стремятся къ одному предмету! Милости-

вый государь! я человекъ и нераздѣленъ отъ слабостей человека. Но такое преступленіе! Научать дѣтей обманывать родителей, извлекать изъ того пользу, скрывать ихъ болѣзни... пощадите меня! не заставьте сказать излишнее, — такое преступленіе не согласно званію и чувствамъ моимъ. Позвольте мнѣ удалиться и сохранить слухъ отъ неприличныхъ выраженій!...

«Ни съ мѣста! Я самъ представлю тебя правительству! Сынъ мой опасно боленъ, ты долженъ отвѣчать! Господинъ докторъ! возьмите лекарство и представьте куда слѣдуетъ.

— Вы оскорбляете меня! Это все ложь, клевета. Подумайте о послѣдствіяхъ. — Вы повѣрили развратнымъ юношамъ, враждующимъ противъ меня, что строго обращаюсь съ ними; вы омрачены гнѣвомъ и ложнымъ свидѣтельствомъ; но эти свидѣтели не могутъ очернить невинность мою! Такъ мнѣ слѣдуетъ просить защи-

ты и удовлетворенія; но я ставлю ланиту поразившему меня, влеките на позоръ и поруганіе, я все перенесу, безъ ропота, укоризны, покорюсь суду людей.—Небесный видитъ чистоту мою и оправдаетъ!

«Удивительная кротость! Пора окончить эти бредни! Г-нъ Шаронъ! задержите іезуита; я ѣду и донесу правительству!»

— Милостивый государь! отвѣчалъ учитель, удивленіе и стыдъ удерживали меня въ молчаніи. Гнѣвъ вашъ, конечно, справедливъ, поступокъ слишкомъ черенъ; но подумайте, что предавъ виновника правосудію, вы погубите меня: при входѣ полиціи погибнетъ репутація моя, которою пользуюсь тридцать лѣтъ. Пошадите меня, и на старости не лишите добраго имени!

«И вы о томъ просите? Вы должны стать на одномъ ряду съ этимъ презрительнымъ человѣкомъ! При отъѣздѣ мо-

емъ на родину, не вамъ ли я передалъ права свои? не васъ ли просилъ заступить мое мѣсто, стать ему вторымъ отцомъ — научить должностямъ чловѣка просвѣтить умъ, наполнить нравственностью сердце, и сберечь здоровье? Какъ же вы исполнили священную обязанность воспитанія, дѣтей скажите? Достойны-ли вы снисхожденія? Родители повѣрили вамъ дѣтей; богатые не шадли золота, бѣдные удѣляли остатки, получаемые трудами, и можетъ статья, отымали отъ себя необходимый кусокъ хлѣба, чтобы платить вамъ—какъ же вы исполнили это ожиданіе и самую обязанность? Многие возвращаются съ одною наружностію, поверхностнымъ ученіемъ, и пришлецами къ роднымъ своимъ. Подобныхъ вамъ людей, можно сравнить съ пиявками, съ тою разницею, что однѣ высасываютъ дурную кровь, а вы лучшую съ жизненными соками! Поздно я узналъ свою ошибку! Но чтобы въ справедливомъ

огорченіи не преступить границъ, и наставника, не умѣвшаго выполнить свою обязанность, не поставитъ на одну доску съ виновнымъ, я готовъ отчасти исполнить вашу просьбу. Прикажите іезуиту ѣхать со мною къ епископу, и полиція не войдетъ въ домъ вашъ. Кажется, это требованіе довольно умѣренно?»

— Шедоній не хотѣлъ согласиться, но г-нъ Шаронъ сказалъ ему рѣшительно, что принудить къ тому силою. Тутъ, повинувшись необходимости, онъ пошелъ за Англичаниномъ, и оставляя комнату, обратился къ намъ.

«Прощайте, господа! Въ этомъ мірѣ я разлученъ съ вами! Тамъ (показывая на небо) увидимся, тамъ стану молить о счастіи вашемъ. Смотрите, я спокоенъ; а спокойствіе не есть удѣлъ виновныхъ! Иду смѣло предстать суду чловѣковъ, и не страшусь послѣдствій: свѣтъ высшій озаритъ судей моихъ!—Онъ вышелъ

съ такимъ спокойствіемъ, что изумилъ насъ.»

— Съ отсутствіемъ іезуита, Шаронъ обратился къ намъ съ выговорами, что мы скрывали столь важное происшествіе, и предвидѣвъ дурное окончаніе дѣла, рѣшился немедленно кончить свои занятія. Онъ разослалъ письма къ разнымъ лицамъ, что по разстроенному здоровью не можетъ долѣе заниматься дѣтьми, просилъ присылать за ними, а нѣкоторыхъ взялся самъ доставить къ родителямъ.

— Узнавъ рѣшительность г-на Шарона, мы стали готовиться къ отъезду, уговорились въ наступающій день собраться къ Сашѣ, и подумать, какъ прицѣпить лицемѣрку къ участи Шедонія. После обѣда князь, Лестовъ, и еще двое изъ моихъ пріятелей, отправились по домамъ, — а ввечеру, я вмѣстѣ съ Шарономъ. Мы забрали книги, тетради, рисунки, гитару, и прочее. — Яковъ все

уможилъ на роспуски, и поѣхалъ впередъ.

— Мы застали у отца гостей; онъ встрѣтилъ г-на Шарона учтиво, и спрашивалъ о причинѣ посѣщенія. Иванъ Григорьевичъ! отвѣчалъ учитель: вы повѣрили мнѣ сына; шесть лѣтъ я прилагалъ всевозможныя старанія оправдать довѣренность вашу; теперь не хочу употребить ее во зло и даромъ получать деньги. Онъ курсъ наукъ окончилъ успешно. Вы привезли его ко мнѣ мальчикомъ, я возвращаю юношею, посмотрите, какимъ здоровымъ и образованнымъ молодцомъ! Надѣюсь, онъ составитъ вашу и мою радость—вашу, какъ родителей, а мою—какъ наставника. Теперь только прошу на одинъ часъ терпѣнія. Я сдѣлаю небольшой экзаменъ. Неудобно ли кому изъ вашихъ пріятелей задать ему вопросы?

«Г-нъ Шаронъ при такомъ ученomъ обществѣ могъ смѣло проэкзаменовать

и Черемиса: оно заключалось изъ двухъ приказныхъ, одномъстряпчемъ изъ семинаристовъ (который, не окончивъ курсъ, получилъ увольненіе) и трехъ мясниковъ.»

— Хорошо! хорошо! сказалъ важностряпчій, это по нашей части—мы и сами кой-чему учились, резонтъ-резонтъ, мы посмотримъ грамоту!—подхватили вторые; а мы потолкуемъ о торговлѣ, заключили купцы.

«Яковъ сложилъ вещи и книги, учитель взялъ Исторію, началъ спрашивать: отвѣты мои изумили слушателей; отецъ стоялъ разиня ротъ, матушка плакала отъ радости.»

— Хорошо! сказалъстряпчій, очень вразумительно. Ты не забылъ, что солнце остановилось—теперь спрашиваю—долго ли оно стояло?

«Надо полагать, что до утра; впрочемъ астрономы доказываютъ противное, что солнце есть свѣтило неподвижное

и напротивъ, земля имѣетъ обращеніе вокругъ!...

— Какъ? земля обращается, а солнце стоитъ?

«Такъ по крайности утверждаютъ астрономы—изъ числа ихъ Галилей!...

— Ахъ, еретикъ проклятый! Ахъ! чортовъ сынъ Фалелей! Да какъ ему втемяшилось въ голову, что солнце стоитъ, а земля ходитъ? Развѣ онъ былъ тамъ? Развѣ всѣ люди слѣпы, не видятъ восхожденія и заката? И ты этому вѣришь?

«Я вѣрю всему, что справедливо. Галилей пострадалъ за эту систему: Испанская инквизиція заключила его въ темницу—и до-тѣхъ-поръ держала, пока онъ не сознался въ противномъ.»

— Вотъ что называется умно и похвально? По дѣламъ проклятому Фалелею! Онъ вѣрно еретикъ,—бусурманъ—Турка... то есть: идолопоклонникъ.

«Турки не поклонялись идоламъ: они вѣруютъ въ Бога.»

— Кто? Турки?

«Точно,—законодавецъ Магометъ составилъ вѣру мусульманскую изъ другихъ, это смѣшеніе довольно безумно—однако-жъ не даетъ права почитать ихъ язычниками.»

— Вздоръ! вздоръ! они язычники! прокляты.... въ потопъ всѣ перетонули, и показались снова съ раскольниками.

«Полно, полно, сказали приказные, не мѣшайся въ чужія дѣла! Молодецъ больше тебя смыслить. Дотягивай-ка лучше красоулю! Ученый не унимался, шумѣлъ и спорилъ.»

«Мы принялись за латинскую грамматику, словесность, географію, и прочее, и могли путать сколько хотѣли; на всѣ вопросы я отвѣчалъ смѣло и рѣзко;—слушатели не понимали; отецъ мой, потерявъ терпѣніе, обратился къ учителю: Послушайте, сударь! все, о чемъ вы тол-

куете, можетъ статья, правда, умно и очень прекрасно; только меня хоть повѣсьте, я не понялъ ни слова. Оставьте вашу галиматью: она, по моему, не стоитъ и гроша. Я хочу видѣть, какъ онъ нишетъ, и знаетъ ли цыфирь? Это нужно для купеческихъ книгъ и повѣрки счетовъ.»

— Извольте, сударь! я удовлетворю ваше желаніе—и начну съ математики.

«Мате...тематика? Вотъ еще новое? Я спрашиваю про цыфирь, а вы понесли ахинею!

— Математика служитъ началомъ арифметики, — слѣдственно я исполняю вашу волю!

«Вотъ это дѣло другое! Однако: сдѣлайте милость, говорите по нашему, и внятнѣ....»

— Разумѣется, перебилъ стряпчій — Осель говорилъ очень чисто — то намъ ужъ стыдно.....

«Да замолчи ты съ осломъ! закричали гости.

— Нельзя, братцы, утерпѣть, — скотина отвѣчала человѣческимъ языкомъ! Это диво!..

«Чему, сударь, удивляться? Многіе изъ скотовъ; если не чище, то кричатъ громче людей! отвѣчалъ я ученому юристу.»

— Г-нъ Шаронъ улыбнулся, задалъ ипѣ изъ первыхъ четырехъ правилъ, потомъ дроби, именованныя числа. Экзаминаторы дивились моимъ познаніямъ; а какъ услышали задачу: летѣло стадо гусей и одинъ съ ними встрѣтается, привѣтствовалъ товарищей, сказавъ: здравствуйте, сто гусей? тогда сочли меня по крайности вторымъ Соломономъ.

«Ну, сударь, чудо! сказалъ отецъ; я того не ожидалъ! Ай, да Антоиъ! Не пропали мои деньги. — Учитель подаль мои рисунки, и все не могли надивиться, превозносили похвалами, особенно понравился украинскій быкъ. Очень похожъ на быка, повторяли

они въ одинъ голосъ, точно живой — только что не мычить. Послушай, сынокъ! быка въ рамку за стекло — и подарь матери! — Наконецъ дошло къ чистописанію. Тутъ приказные надѣли очки, принялись разсматривать, и при всемъ желаніи опорочить какую нибудь бездѣлку, согласились, что и пишу довольно правильно, только не кудряво — и мало ставлю крючковъ, — безъ которыхъ, по ихъ мнѣнію, письмо не имѣетъ совершенной красоты.»

— Полноте съ вашими крючками? закричали торговцы. Вы суетесь съ ними вездѣ; ну, до нихъ ли теперь?

«Въ заключеніе экзамена, г-нъ Шаронъ приказалъ подать мнѣ гитару и спѣть арію, согласную съ кругомъ общества; всѣ пришли въ восхищеніе, бросились меня обнимать, и чуть не задушили; отецъ побѣждалъ въ кладовую за виномъ, а матушкѣ отъ радости стало дурно.»

«Довольно, г. учитель, довольно, повторялъ батюшка, наливая полные бокалы. Вы утѣшили меня на старости. Выпьемъ за ваше здоровье! Жена, пей и ты!»

— Я могу увѣрить, продолжалъ Шаронъ:— Антонъ Ивановичъ не остыдитъ васъ въ компаніи, особенно на балу: онъ танцуетъ прекрасно; старый танцмейстеръ, г. Трикъ-Тракъ, отдавалъ ему всегда преимущество.

«За здоровье Трикъ-Трака! закричалъ отецъ; я люблю смотрѣть, когда танцуютъ и прыгаютъ, какъ молодые козлята.»

— Еще я долженъ васъ увѣдомить, что сынъ вашъ мастерски бьется на рапирахъ.

«Право! а что это значитъ?»

— Учитель удовлетворилъ любопытство, и дѣло пошло на попойку. Я сѣлъ возлѣ матери на софу, съ удивленіемъ смотрѣлъ на будущій кругъ знакомства. Я не имѣлъ времени разсуждать, — меня

вытащили на середину, заставили пѣть и играть.

«Наконецъ г-нъ Шаронъ сталъ откровенваться, и говорилъ отцу: — Я совѣтую не вдругъ занять сына торговыми дѣлами; позвольте ему прежде привыкнуть, осмотрѣться, — не лишите удовольствія посѣщать меня и товарищей; нѣсколько лѣтъ они жили вмѣстѣ, привычка соединила ихъ, какъ братьевъ; притомъ они изъ хорошей фамилиі, и могутъ доставить честь своимъ знакомствомъ.»

«О! милости просимъ! Мы ради пріятелямъ сына! умѣемъ принять и угостить всякаго. — Да что вы думаете обо мнѣ? Развѣ мы худой фамилиі? Я купецъ первой гильдіи, имѣю золотую медаль, имѣю деньги, кредитъ, — посмотрите какъ стану водить и содержать сына? Только пусть самъ не ударитъ лицомъ въ грязь! Однако-жъ, г-нъ учитель, я васъ не выпущу съ пустыми руками, и въ знакъ памяти сдѣлаю подарокъ.» Онъ вынулъ изъ

комода старинную золотую табакерку съ антикомъ, и подалъ ему.

— Я провожалъ старика до воротъ, и прощаясь съ нимъ, преслезился невольно, вспомнивъ какія наносилъ ему огорченія и обиды: но позднѣе чувство раскаянія не могло возвратить прошедшее. Онъ пожалъ мнѣ руку, пожелалъ счастья, и ушелъ.

«Медленными шагами я возвратился въ комнаты, и не принималъ участія въ шумномъ весельи, погрузился въ мысли, думалъ о Сашѣ; мнѣ казалось, что счастье оставило меня. Ахъ! это было предчувствіе! Оно готовилось совершиться надомною!

«Мнѣ отвели чистую, покойную комнату, велѣли одному мальчику прислуживать, и призвать утромъ портнаго, — чтобы сшить новое платье, и все нужное для сына богатаго человѣка. Въ полночь гости разошлись; я простился съ родителями, легъ спать; но сонъ не былъ

моимъ товарищемъ.—Я думалъ всю ночь: о новой жизни, Сашѣ, товарищахъ, и деньгахъ,—послѣднихъ осталось не болѣе пятидесяти червонцевъ. Сумма пріятелю знатныхъ господъ, обожателю прекрасной дѣвицы, весьма не значительна, и скоро могла исчезнуть.

«На другой день, подѣ видомъ посѣщенія товарищей, я отправился изъ дому, побѣжалъ къ Сашѣ. Двѣ ночи и одинъ день разлуки показались ей годами; она встрѣтила меня съ чувствами живѣйшей радости, со слезами упрекала въ продолжительной отлучкѣ; я рассказалъ ей происшествіе, и чтобъ не беспокоилась въ будущее время, если случится подобное отсутствіе—и что я долженъ расположить наши свиданія посредствомъ новыхъ людей, и скрыть тайну отъ родителей. Скоро князь и два товарища пришли къ намъ; мы обвивались радостно, не могли наговориться: привычка такъ насъ сблизила, что разлучась на одни

сутки, нашли обильную матерію для вопросовъ и отвѣтовъ, и будто уфхавъ въ отдаленныя мѣста, встрѣтились внезапно.

«Изъ трактира принесли завтракъ. Мы за столомъ начали разсуждать о Шедоніи и лицемѣркѣ, согласились послать къ ней копію извѣстнаго письма; тутъ вошелъ Лестовъ и разрушилъ наши планы. Господа! Вы конечно толкуете о нашемъ замыслѣ; не безпокойтесь, дѣло кончено.—Я узналъ отъ тетки, что лицемѣрка въ этотъ день на разсвѣтѣ уфхала въ деревню, съ однимъ лакеемъ Пирро, и ключницею,—а домъ поручила какому-то своему пріятелю. Шедоній тоже бѣжалъ, и вѣрно станетъ скриваться въ деревнѣ Сенанжъ. Жалобу Англичанина приняли очень сухо; выговаривали, что употребилъ насиліе. Отецъ Вилькама очень огорченъ этимъ. Мнѣ весьма странно, что смиренная моя тетушка знаетъ всѣ подробности. Я начи-

наю думать, что не въ связяхъ-ли она съ такими честными людьми.—Теперь, друзья, осталась одна мленькая Туанета, а съ нее взять нечего.

«Разсказъ товарища насъ опечалилъ; съ нимъ мысленное сокровище исчезло какъ дымъ; мнѣ болѣе всѣхъ это не понравилось, и тощій кошелекъ при расплатѣ завтрака напомнилъ о лицемѣркѣ, и что съ нею погибла послѣдняя надежда.

«Я простился съ Сашею, пришелъ домой; меня ждали къ обѣду одинъ толстый купецъ, благородной и доброй наружности, и двое другихъ. Матушка шепнула, чтобъ съ первымъ я обходился какъ можно учтивѣ.—Послѣ открылась тому причина: онъ имѣлъ дочь невѣсту, и прочилъ ее за меня. Вечеромъ у крыльца загремѣла карета, пріѣхалъ молодой князь, отецъ вышелъ къ нему на встрѣчу: Милости просимъ, ваше сіятельство! милости просимъ;—мы ради такимъ гостямъ.

«Товарищъ мой обошелся со всѣми вѣжливо, чѣмъ и заслужилъ хорошее мнѣніе. Поговоривъ нѣсколько, мы пришли въ мою комнату.—Поздравляю, Антоній! ты живешь по-барски.—Очень радъ тому. Я пріѣхалъ сказать тебѣ, что Праксавью пристроилъ въ горничныя къ моей сестрѣ; а ты позаботься о Яковѣ. Такихъ людей не должно забывать. Завтра приходи къ намъ обѣдать; у насъ гости; вечеромъ поѣдемъ въ театръ. Полно сидѣть за проклятыми книгами; пора веселиться, подумать, какъ доставать деньги. Ты, кажется, болѣе всѣхъ имѣешь къ тому средства.

«Отецъ мой провожалъ князя до самой кареты, охотно дозволилъ мнѣ отправиться на званый обѣдъ, и благодарилъ за оказанную честь.—Толстый торговецъ примѣтно радовался такому знакомству; онъ мало зналъ почетныхъ господъ, и что дружество ихъ съ богаты-

ми купцами часто оканчивается невыгодно на счетъ послѣднихъ.

«За ужиномъ толковали о торговлѣ и быкахъ; я съ терпѣніемъ слушалъ о свойствѣхъ и породѣ этихъ животныхъ, вмѣшался кстати въ разговоръ, замѣтилъ о домашнемъ безпорядкѣ, нечистотѣ, и необходимости переѣхать дворника. Я выставилъ Якова самымъ честнымъ человѣкомъ, и грамотѣемъ; меня послушались, и на другой день онъ принять въ домъ съ хорошимъ жалованьемъ.

«Дѣла мои пошли изрядно; только ночныя свиданія прекратились. Батюшка имѣлъ похвальное обыкновеніе ходить всякую ночь дозоромъ, и начиналъ это съ моей комнаты.—Видѣвъ эти неудобства, я склонилъ мальчика на мою сторону, и выдумалъ средство предосторожности отца обратить въ ничто. Съ пособіемъ Якова, мы сдѣлали соломенную чучелу въ роствъ человѣка, нарядили ее

въ колпакъ и рубашку, клали на мою постель, закрывъ одѣяломъ; отецъ видѣвъ покойный сонъ чучелы, принималъ ее за сына. Въ 12-ть часовъ принесли мнѣ новое прекрасное платье, часы съ золотою цѣпочкою и прочее; родители полюбовались мною, и отпустили къ князю.

«Я пришелъ въ знатный домъ; нѣсколько лакеевъ стояли въ передней; взяли мой плащъ и вѣжливо отворили дверь въ слѣдующія комнаты. Я видѣлъ вездѣ великолѣпіе, убранство, роскошь, и послѣ узналъ, что этотъ блескъ обманчивъ, а роскошный столъ всякое утро наполняетъ переднюю посѣтителями, погребщиками, рыбаками, прикашиками фруктовыхъ лавокъ, которыхъ съ учтивостію просятъ пожаловать завтра; эти завтраки продолжаются мѣсяцы, годы, и наконецъ приводятъ въ необходимость закладывать имѣніе въ извѣстное мѣсто—

Ломбардъ, а оттуда въ продажу съ публичнаго торга.

«Меня приняли не по состоянію, а какъ товарища и друга сына хозяина.— Старый князь обласкалъ; молодежь наперерывъ дружилась со мною; я видѣлъ со всѣхъ сторонъ вѣжливость, слышалъ привѣтствія, и не зналъ, что этотъ мишурный галунь только блеститъ и составляетъ одну сферу моднаго свѣта; мнѣ показалось, что я понравился въ домѣ; со мною не могли наговориться, ставили примѣромъ воспитанія, и вообще совѣтовали оставить классъ купечества, вступить въ службу, домогаться чиновъ и отличій. Съ вашими способностями, наружностію и состояніемъ, это бездѣлица,—говорилъ отецъ князя, а мы позаботимся доставить вамъ сильное покровительство.

«Послѣ обѣда, въ ожиданіи театра, подали карты; я не умѣлъ играть; молодая княжна, дѣвица лѣтъ подъ трид-

цать, заступила мѣсто наставницы; худшавыя ручки ея проворно тасовали колоду, а модный язычекъ толковалъ о достоинствахъ и различіи картъ; напримѣръ: говорила она.—Мы начнемъ съ виста, это общая игра, и требуетъ вниманія. Вотъ видите ль? братецъ пошелъ дамою, вы бейте королемъ; вотъ такъ, кажется, дѣло кончено; напротивъ, бубновый козырный валетъ помѣшалъ: онъ бьетъ обоихъ, и взятка потеряна.— Ну, поняли? Главное, помните масти, и считайте козырей. Наука показалась мнѣ пріятною, и довольно легкой.—Я надѣялся, проигравъ нѣсколько сотень, выучиться и со временемъ обыгрывать другихъ.

«Въ шесть часовъ мы сидѣли въ ложѣ 1-го яруса, и до открытія занавѣса, я не могъ насмотрѣться на богатыя уборы;—модное болтанье, шарканье, меня изумили. Всего казалось страннѣе, что молодые люди почти всѣ были бли-

зоруки или слѣпы: они смотрѣли въ очки, лорнеты, подзорныя трубки, и показывали видъ, что безъ пособія оптиковъ въ двухъ шагахъ не могли различать предметовъ.

«Вдругъ поднялся занавѣсъ; давали комедію Тартюфъ, и актеръ, въ роли лицемеръ, такъ походилъ на Шедонія, что я вскрикнулъ отъ удивленія; меня спросили о причинѣ, и когда рассказавъ нѣкоторыя черты іезуита, сравнилъ съ наружностію и приемами артиста, то приступили съ просьбою сдѣлать ему подробное описаніе; мнѣ хотѣлось смотрѣть и слушать; но чтобы не показаться невѣждою, исполнилъ волю знатныхъ пріятелей; я рассказывалъ болѣе дерзко, нежели остро.—Княжна хохотала, отецъ и прочія подражали ей; изъ сосѣднихъ ложъ старались вслушаться въ разговоръ, и, конечно, сочли меня самымъ воспитаннымъ ловкимъ молодымъ человѣкомъ; окончивъ похвалу Шедонію,

я замѣтилъ возлѣ насъ и напротивъ то же самое; всѣ говорили, смѣялись и не смотрѣли на піесу. Мнѣ показалось страннымъ, что на прекрасное твореніе Мольера не обращали вниманія, и скоро, скоро узналъ, что въ модномъ свѣтѣ я еще ребенокъ, что въ этой сферѣ все наизворотъ: въ трагедіяхъ смѣются, въ комедіяхъ плачутъ, въ драмахъ и операхъ дремлютъ; частица умныхъ молчатъ, а противоположная ей толпа судитъ, и весьма часто раекъ составляетъ достоинство піесы, актеровъ, и что многіе ѣздятъ для того, чтобы на другой день сказать: какъ я вчера весело провелъ время въ театрѣ! Последнее дѣйствіе окончилось, княжна подала мнѣ руку, я проводилъ ее до кареты и возвратился домой.

«Двѣ недѣли я прожилъ покойно и счастливо, навѣщалъ знакомцевъ, Сашу, проводилъ дни въ полной свободѣ,—и въ одно утро сказалъ мнѣ отецъ: Ну,

сыночек! ты, кажется, погулялъ довольно? Пора заняться дѣломъ: я становлюсь старъ, мать больна; ты долженъ быть нашимъ помощникомъ. Подумай! Мы богатство не возьмемъ съ собою въ могилу, а оставимъ тебѣ. Пойдемъ въ лавки, привыкай къ торговлѣ, смотри за прикащиками, возьми книги, повѣрь, составь новыя; всѣ засмѣются, если узнаютъ, что имѣвъ ученаго сына, я стану нанимать конторщика. Послѣ поѣдемъ обѣдать къ Прохору Фомичу Чистякову; тамъ затѣяли пирушку, танцы; смотри не подгать, и приласкайся къ его дочери Машѣ.— Дѣвка славная, дородная, и пребогатая! Невѣста хоть кому. Объ этомъ поговорить съ тобою мать.

«Необходимость заставила повиноваться; я приунылъ, пошелъ за отцомъ.—Онъ водилъ меня изъ лавки въ лавку, показывалъ сорта различныхъ мясъ, означалъ цѣну, училъ какъ продавать, и повѣрять прикащиковъ, открылъ нѣкоторыя хитрости

«Въ три часа мы пріѣхали на званый обѣдъ. Прохоръ Фомичъ принялъ насъ отлично, представилъ жепѣ и родственникамъ; знакомство началось лобызаніемъ, объятіями, и почти молча. Хозяинъ пригласилъ къ столу. Толстыя, разрисованныя купчихи, увѣшанныя брилліантами, въ жемчужныхъ ожерельяхъ, гуськомъ поплелись въ залу, и поджавъ руки, чинно усѣлись по мѣстамъ; за ними шли прискакивая дочери, одѣтыя по послѣднимъ рисункамъ модныхъ магазиновъ; эти полу-барышни, большею частію воспитывались въ пансіонахъ, перенимали приемы знатныхъ дѣвицъ, и не забывъ прежнихъ навыковъ, выказывали особый родъ воспитанія—междоумковъ (*). Почетное купечество усѣлось по достоинству (что заключалось въ количествѣ

(*) Здѣсь описанъ старинный купеческій бытъ; онъ совершенно различенъ отъ настоящаго времени.

капиталовъ), а голодные чиновники выбрали мѣстечки, гдѣ-бъ въ тихомолку могли съѣсть и выпить побольше. Меня посадили возлѣ одного совѣтника; онъ считался человѣкомъ умнымъ, писалъ просьбы, ходилъ по дѣламъ купеческимъ, скупалъ вексея, и такимъ невиннымъ промысломъ нажилъ изрядное имѣніе, пріобрѣлъ имя честнаго человѣка, а изъ словъ его я замѣтилъ; что онъ невѣжда, а только имѣлъ даръ влѣзть въ душу простяковъ, и дурачить людей глупѣй себя.

«Обѣдъ начался молча, и когда стали пить за здоровье, то при всякомъ глоткѣ гремѣла тушь; гости развеселились, тихій разговоръ обратился въ шумный; всякой оказывалъ удовольствіе по своему: нѣкоторые стучали ножами и вилками по тарелкамъ, топая ногами въ полъ; словохотныя старушки шептались, молодыя женщины и дѣвицы хохотали

надъ сосѣдками, и бросали ужасные взоры на хорошенькія личика.

«Обѣдъ кончился; мы высидѣли четыре часа за столомъ. Вотъ начались танцы; я открылъ балъ съ хозяйскою дочерью. Отецъ сказалъ правду, что Маша невѣста хоть кому: толста, высока, румяна, а вѣсомъ могла потянуться съ небольшимъ быкомъ. За польскимъ начались экосессы, кадрили; всѣ гости обратили на меня вниманіе. По милости г. Трикъ-Трака, я показался величайшимъ танцмейстеромъ,—а когда прошелъ съ одною миленькою дѣвицею національную пляску, то общій крикъ удовольствія едва не заглушилъ насъ. Прохоръ Фомичъ обнялъ меня, принудилъ выпить бокалъ шампанскаго; отецъ мой важно расхаживалъ по комнатамъ съ довольнымъ видомъ, а матушка не спускала глазъ, и просила всѣхъ не давать мнѣ холодной воды. Тутъ подошла ко мнѣ хозяйская сестра, ловкая молодая жен-

щина, и сказала: Антонъ Ивановичъ! дѣвицы просятъ васъ пожаловать въ другую комнату. Я догадался, что это новое испытаніе. Мнѣ подали гитару, поставили кресла, посреди бесѣды, и просили пѣть. Невѣста стала напротивъ, и посматривая съ улыбкою на подругъ, кажется, спрашивала глазами: каковъ мой женихъ? Я имѣлъ прекрасный голосъ тенора, и, съ окомпаниментомъ инструмента, заиѣлъ арію;—всѣ гости сочли меня вторымъ Орфеемъ, восхищались талантомъ, хвалили; мужчины обнимали въ запуски, а дородная Маша не могла скрыть удовольствія, подошла ко мнѣ и просила спѣть еще что нибудь. Родители наши посмотрѣли другъ на друга, улыбнулись; невеста покраснѣла; замѣтливныя старушки шептали въ полъ-голоса. Пара! ну, ей Богу, пара! Да, прекрасная! подхватили съ досадою дѣвицы, которымъ хотѣлось занять мѣсто Маши.

Славная пара! Изъ невесты можно выкроить двухъ съ-половиною жениховъ.

«Въ угодность общества, я тянулъ до тѣхъ-поръ, что едва не осипъ. Въ два часа ночи стали разъѣзжаться; хозяинъ съ семействомъ только заботился о насъ; нарѣченная невеста окутывала больную мою мать; будущій тестъ застегивалъ на мнѣ шинель, чтобъ я не простудился,—поцѣловалъ, подаль руку отцу. Прощай, сосѣдь! Спасибо, твой сынъ позабавилъ насъ, удивилъ всѣхъ—завидный молодецъ! Дай, Богъ, къ радости! Маша! прощайся съ нимъ! Дѣвушка присѣла, взяла свѣчку, чтобы проводить до кареты, я отшаркивалъ ногами, и въ сумятицѣ, будто печаянно, получилъ нѣжный толчекъ, который Маша при всей дородности довольно ловко смастерила.

«Мы возвратились въ домъ, матушка озаботилась переиѣнить на мнѣ бѣлье, напоить теплымъ, и уложить въ постелью; самъ отецъ находился при томъ. Въ

этотъ вечеръ я ему очень поправился — и возбудилъ самолюбіе, которое во всякомъ человѣкѣ въ различныхъ отношеніяхъ гнѣздится.

«Слишкомъ два мѣсяца дѣла мои шли довольно изрядно: по утрамъ я ходилъ въ лавки, смотрѣлъ за продажей, записывалъ, повѣрялъ счета, завелъ новыя книги; въ воскресные и праздничные дни проводилъ время по желанію, навѣщалъ товарищей, въ особенности домъ князя, гдѣ выучился играть въ карты; волочился за всѣми смазливыми личиками, дурачилъ невѣсту, и любилъ постоянно одну Сашу. Но скоро жизненные соки кошелька моего истощились, — мнѣ пришлось оставить Сашу, друзей, блестящее общество; я не могъ роптать на отца: онъ давалъ мнѣ все необходимое — за исключеніемъ денегъ; а безъ нихъ нѣтъ наслажденія въ жизни; съ ними вездѣ весело, радостно, пріятно; съ ними невѣжда кажется умникомъ, уродъ кра-

савцемъ, старикъ молодцомъ, старушки милашками въ 14-ть лѣтъ; — а безъ нихъ, пой, танцуй, выказывай умъ, и никто не посмотритъ на насъ.

«Занимаясь торговлею, я началъ располагать барышами въ свою пользу. Вѣдь это все мое же — думалъ я, и не жалѣлъ родительскихъ денегъ.

«Имѣвъ такимъ образомъ денежный запасъ для Саши и картъ, къ которымъ пристрастился, я равнодушно перенесъ неудовольствіе и холодность отца; только жаловался матери; она соглашалась во всемъ со мною — это производило безпрестанныя ссоры, и когда родители схватывались между собою, то я любилъ тишину, бралъ шляпу, уходилъ изъ дому, забавлялся съ пріятелями, а иногда и въ трактирахъ. Въ одно изъ подобныхъ занятій, идя мимо дому г-на Шарона, мнѣ пришла мысль навѣстить его нечаянно. Старика не случилось; Туанета, увидѣвъ меня, остолбенѣла; стыдъ, досада, удо-

вольствіе показали на лицѣ ея. Ахъ! Антоній! какъ ты перемѣнился! Нѣтъ! извините, сударь! я ошибалась и хотѣла сказать: вы перемѣнились, выросли, стали еще прекраснѣе, совсѣмъ не похожи на шалуна, отъ котораго я часто плакала; но забудемъ старое—все прошло; я очень рада увидѣвъ васъ, и даже часто вспоминала... Мы помѣстились въ извѣстномъ кабинетѣ; Туанета рѣзко сказала, что послѣ несчастнаго случая, они жили весьма уединенно, много истратили денегъ за пакости Шедонія; что мужъ держитъ ее очень строго, запретилъ все знакомство, никуда не выпускаетъ, и ей весьма пріятна встрѣча со мною. Ну, Антоній, не сердись! Мы оба не правы; только я во всемъ осталась въ накладѣ: ты вѣрно не оставилъ Сашу, наслаждаешься ласками милой дѣвушки, а я слушаю кашель и брань стараго мужа.

«Она принесла бутылку вина, и замѣтивъ, что я не тороплюсь пить, ска-

зала съ досадою: Понимаю! это означаетъ недовѣренность, и слишкомъ обидную. Здѣсь нѣтъ іезуита: онъ завлекъ меня коварствомъ своимъ. Она выпила налитой стаканъ, и подала мнѣ.

«Ахъ; друзья, друзья! поздно я узналъ васъ! Вы внушили мнѣ пагубную мысль пользоваться счастіемъ, не упущать случая къ удовольствіямъ, и забывать, какими средствами я прибрѣтала ихъ! Такъ, если пылкій, необузданный человѣкъ даетъ волю страстямъ, сблизиться съ порокомъ, и не можетъ воздержатъ себя, то невольная сила повлечетъ его далѣе, отъ порока въ развратъ, отъ страсти къ преступленію: онъ пьетъ сладкую отраву и не думаетъ о послѣдствіи!

«Я простился съ Туанетою; мы уговорились видѣться чаще; она назначила время, когда мужъ отлучается изъ дому. Отъ Туанеты я завернулъ къ князю.» Ты право, колдунъ! сказалъ пріятель,—только что хотѣлъ послать за тобою! Ыдемъ...»

— Куда?

«Послѣ узнаешь, — чудесное зна-
ство! Есть ли у тебя деньги?»

— Очень мало.

«Все равно: — ѣдемъ!» — Мы сѣли въ
коляску и князь говорилъ.»

— Баронъ Тернесъ живетъ открыто,
имѣетъ прекрасную дачу, очаровательный
садъ, рощу, со всѣми причудами; ихъ
въ сутки не обходишь и не осмотришь —
имѣетъ роскошный столъ, прислугу, а
что всего лучше, трехъ миленькихъ до-
черей, сестру и свояченицу; онъ всѣ
на нашу руку, за исключеніемъ меньшей:
она нѣсколько помѣшана, — за то пре-
красна. Ты увидишь и согласишься въ
томъ со мною. Къ нимъ на дачу соби-
раются молодежь, старье, пріѣзжіе — отъ-
ѣзжающіе, — и — всѣ кто любятъ весе-
лится и мастерить въ карты; просто
сказать, г. Баронъ съ супругою есть
карточные мудрецы. Мы съ тобою за-
одно, попытаемся склонить фортуна на

свою сторону, вѣдь надо-жъ за-что ни-
будь приняться?

«Мы пріѣхали къ прекрасному дому,
и когда вошли въ первыя комнаты, то
увидѣли, что внутренность превосходила
наружность; богатые уборы, картины,
роскошь и вкусъ блистали во всякомъ
предметѣ. — Баронъ съ супругою приня-
ли меня ласково, ознакомили съ семей-
ствомъ, и пригласили во внутренніе по-
кои; они показались мнѣ особымъ отдѣ-
леніемъ, окнами въ садъ, съ опущенны-
ми шторами. Впослѣдствіи я узналъ къ
чему служила эта предосторожность; ес-
ли-бъ меня не предупредили, то домъ ба-
рона я считалъ-бы особой массонской ложей.
Толпа людей военныхъ, гражданскихъ,
старья и молодыхъ женщины, сидѣли за
ломберными столами; куча золота, пач-
ки ассигнацій, означали денежный при-
ливъ. Дѣвицы перебѣгали отъ стола къ
столу, однимъ совѣтовали, другимъ вы-
дергивали карты; съ счастливыми были

въ долѣ; кто проигривалъ, утѣшали надеждой; и ласкали всѣхъ.

«Возлѣ карточной залы находилась инструментальная; въ ней забавляли музыкою тѣхъ, которые проигрались.

«Человѣкъ пять или шесть предложили намъ составить не большую партію для забавы; я сталъ понтировать на малые куши, и на первый разъ довольно счастливо. Одна изъ баронессъ подѣсла ко мнѣ, хвалила умѣренность, хладнокровіе, удивлялась постоянному счастью; напротивъ, князь ставилъ азартно, и въ нѣсколько талій проигралъ всѣ деньги. Другая баронесса увивалась около него, жалѣла о несчастіи, подавала совѣты, шутила, и по возможности старалась замѣнить потерю.

«Видѣвъ крайность товарища, я уступилъ ему весь мой выигрышъ, а самъ, оставя игру, вышелъ въ инструментальную комнату; въ ней меньшая баронесса перебирала на фортопіахъ аккор-

ды, — въ совершенной задумчивости и разсѣянномъ видѣ.

«Сударыня! Вы здѣсь однѣ? не принимаете участія въ забавахъ сестрицъ? Конечно, музыка имѣетъ на васъ болѣе вліянія?»

— Ваша правда, сударь! отвѣчала дѣвица, обративъ на меня большіе черные глаза свои — они, кажется, мгновенно проникнули въ мое сердце. Инструментъ можно оставить по произволу, а карты не всегда. — Вы вѣрно кончили игру?

«Не совсѣмъ! я понтировалъ довольно счастливо, а товарищъ, напротивъ. Я уступилъ ему выигрышъ.»

— Это похвальное великодушіе производитъ вопросъ: товарищъ поступитъ ли подобно вамъ? спросила она съ пронизательнымъ взоромъ?

«Надѣюсь, сударыня! — Мы друзья, росли, воспитывались вмѣстѣ...»

— Въ картахъ, сколько я могла замѣтить, дружба не всегда имѣетъ свои

права и часто уступаетъ необходимости.

«Поэтому вы знаете князя?»

— Нѣтъ! Сдѣлайте одолженіе, спойте что нибудь! Вы имѣете чудесный талантъ.

«Кто вамъ сказалъ, что я пою?»

— Князь!

«Въ эту минуту я слышалъ противное: вы сказали, что не знаете князя.»

— Видѣть человека нѣсколько разъ, и знать, есть совершенная разница. Прошу васъ, спойте! Она подала мнѣ гитару.

«Перебравъ нѣсколько аккордовъ, я запѣлъ, баронессы и толпа гостей выбѣжали къ намъ;—Брависсимо! Брависсимо! повторяли послѣднія! Какой голосъ, пріемы—это второй Ороей!

«Несравненно болѣе, сказала съ улыбкою меньшая баронесса; Ороей приводилъ лирою въ движеніе кампи, а этотъ..... игроковъ.

«Сказано довольно остро, отвѣчала съ досадою старшая,—и обратилась ко мнѣ.—Вы поете превосходно!—Васъ можно слушать цѣлыя сутки, и все забыть; а всего удивительнѣе проникательность нашей сестрицы: она имѣетъ чудесной даръ, съ перваго взгляда замѣтитъ виртуоза! Лаура (имя меньшей) отошла къ окну, двѣ первыя приступили ко мнѣ, шутили, смѣялись, просили продолжать и не сердились, когда я пропѣлъ арію, не слишкомъ пристойную.

«Положивъ гитару, я спросилъ: кажется, ваша сестрица скучна?»

— Да, сударь, она любитъ фантазіи: когда мы веселы, Лаура печальна; напротивъ, если мы скучаемъ, она веселится.

«Пойдемъ, Антоній! говорилъ князь; всѣ деньги проиграны.—О! мы васъ не отпустимъ! подхватили баронессы. Не лишайте насъ удовольствія познакомиться

съ вашимъ милымъ товарищемъ, останьтесь ужинать!

«Извините, меня ждуть дома; тамъ не знаютъ, что я имѣю честь находиться у васъ.—Князь остался, я пошелъ къ себѣ,—разъ ужъдая о странномъ домѣ и обществѣ. Лаура невольно занимала мои мысли; ея красота, томность, отрывистыя слова, странное обхожденіе, имѣли большую противоположность отъ сестеръ. Мнѣ казалось, что она принимаетъ участіе въ судьбѣ моей, и вовсе не походила на помѣшанную въ умѣ.

«Гдѣ ты шатаешься по цѣлымъ днямъ? кричалъ отецъ при моемъ возвращеніи? Я велю тебя запереть и не выпускать за ворота! Ступай къ матери! Она занемогла опасно.

«Не отвѣчая на столь ласковое привѣтствіе, я пошелъ къ больной; ей сдѣлалось дурно, и обыкновенный припадокъ, проходившей всегда скоро, началъ

усиливаться. — Мы всю ночь не отходили отъ ея постели.

«Утромъ послали за одной женщиной, извѣстной между купечествомъ въ врачебномъ искусствѣ; старушка не заставила ожидать себя, пришла скоро—перекрестилась, распросила, ошупала больную, приписала недугъ порчѣ, или глазу, взяла чашку воды, пошептала—и велѣла выпить. Это средство не имѣло успѣха: отецъ послалъ за колдуномъ. Явился огромный мужикъ, съ длинною рыжею бородою, съ плоскимъ носомъ, котораго конецъ походилъ на зрѣлую луковицу.—Онъ сталъ бранить старуху, что вмѣшалась не въ свое дѣло, коверкался, чертилъ, отшептывалъ, увѣрилъ, что нечистая сила мучить больную.

«Чистяковъ, узнавъ о болѣзни моей матери, пришелъ къ намъ, выгналъ колдуна и старуху, настоялъ немедленно пригласить доктора.

«Медикъ пріѣхалъ, и мы испугались не на шутку, увидѣвъ челоѣка, который можетъ умерщвлять безъ всякой отвѣтственности; онъ осмотрѣлъ, распросилъ больную, вышелъ въ другую комнату, и сказалъ: Время опущено; если пароксизмъ продолжится еще два часа, то нѣтъ ни малой надежды къ жизни.—Я пропишу рецептъ въ утѣшеніе больной, и за успѣхъ не отвѣчаю.

«Докторъ сказалъ правду: послѣ означеннаго времени, она почувствовала приближеніе роковой минуты,—потребовала священника, нотаріуса и свидѣтелей; въ домѣ суетились, хлопотали, бѣгали; батюшка не отходилъ отъ жены, шепталъ ей безпрестанно на ухо, и просилъ. Я догадался въ чемъ состоитъ дѣло, и въ свою очередь припалъ къ ней, плакалъ — и когда оставался на минуту одинъ, то, всхлипывая, повторялъ: Ахъ, маменька! любезная маменька! если вы скончаетесь, что со мною будетъ? Отецъ меня не тер-

пить, выгонить изъ дому. Ахъ! маменька! я съ горя послѣдую за вами. Умирающая со слезами на меня смотрѣла, съ нѣжностію пожимала мнѣ руки; мы съ отцомъ въ-запуски прикладывались къ ней, и будто два соперника, наблюдали взаимныя движенія, опасались, надѣялись, и не хотѣли уступить преимущества.

«Съ приходомъ священника она просила всѣхъ удалиться изъ комнаты, и осталась одна съ мужемъ; минутъ черезъ десять онъ вышелъ къ намъ, красенъ, сердитъ, и бросивъ на меня ужасный взглядъ, просилъ духовника пожаловать къ больной.—Скоро нотаріусъ принялся за свое дѣло, окончилъ въ часъ, и свидѣтели подписали завѣщаніе. Душеприкащики, за исключеніемъ Чистякова, были всѣ люди почетные: — извѣстный стряпчій изъ семинаристовъ, два мясные торговца, и лошадиный барышникъ.

«Въ вечеру я лишился матери.

«Исполнители завѣщанія пригласили меня съ отцомъ и стороннихъ свидѣтелей къ осмотру сундука, въ которомъ хранилась вся денежная касса; они составили опись документамъ, банковымъ билетамъ, привели въ извѣстность наличную сумму. Отецъ смотрѣлъ на всѣхъ ко-со, и не зная еще содержанія духовной, по дѣйствіямъ опекуновъ могъ догадаться, что она не въ его пользу и противна обѣщаніямъ покойницы.

«При разборѣ вещей я замѣтилъ, что стряпчій, роаясь въ комодахъ, часто опускалъ руки въ карманы; другіе, кажется, подражали ему; одинъ барышникъ, засучивъ рукава, божился совѣстью, что при подобныхъ случаяхъ никогда не пользовался и полушкою. Должно отдать всю справедливость Чистякову: онъ сохранилъ во всемъ уиѣренность, распоряжался какъ другъ семейства, наблюдалъ за исполнителями. Но при всемъ усердіи не могъ выполнить свое жела-

ніе: надо имѣть сто глазъ Аргуса, чтобы усмотрѣть за такими совѣстными товарищами.

«Я плакалъ неутѣшно, весь день не уходилъ изъ дому; вечеромъ мальчикъ мнѣ шепнулъ, что одинъ изъ товарищей хочетъ со мною видѣться; я подумалъ, что это молодой Лестовъ, пошелъ въ свою комнату,—и въ какое пришелъ изумленіе, увидѣвъ Сашу, переодѣтую въ мужское платье.—Я заперъ дверь, обнялъ милаго прелестника; онъ могъ спорить въ красотѣ съ Адонисомъ.»

— Антоній! сказала дѣвица: я узнала о твоемъ несчастіи, спѣшила разделить съ тобою горестъ—ты лишился матери, она любила тебя.—Ахъ! я сирота! не знаю, не помню виновниковъ дней моихъ; но если вижу, что дѣти плачутъ надъ гробомъ родительскимъ, я плачу съ ними, и воспоминаю мать мою, которую никогда не видала!

«Слезы полились изъ прекрасныхъ голубыхъ глазъ ея; она омочила ими мои щеки. Чувствительность Саши тронула меня, я заплакалъ съ нею и слезы истинной скорби смѣшалъ съ слезами дѣвицы. Ахъ! она въ короткихъ словахъ, съ однимъ краснорѣчіемъ сердца, умѣла проникнуть въ душу мою!

„Такъ! самый развратный, ожесточенный человѣкъ имѣетъ чувства, если отыщутъ къ нимъ близкую сторону! порокъ уступаетъ добродѣтели, если она въ кроткомъ, сострадательномъ видѣ, приблизится къ нему! Саша говорила мало, а чувствовала сильно, она плакала и вѣтренника не вольно увлекала къ неизвѣстнымъ ему чувствамъ! Хорошая Саша, давъ свободу моей горести, приступила къ утѣшенію—и поселивъ любовь сына, изобразила необходимость покориться опредѣленію рока. Въ полночь Яковъ проводилъ красавицу домой.

«Насталъ день похоронъ и часъ проститься на-всегда.—Я шель за гробомъ печально, задумчивъ, съ стѣсненнымъ сердцемъ!—Такъ, есть въ жизни минуты, когда мы забываемъ все и входимъ въ оболочку мрачной скорби, стараемся находить въ ней утѣшеніе и подумать о предметахъ, прежде вовсе намъ неизвѣстныхъ! Я омочилъ трупъ матери непритворными слезами, бросилъ на гробъ частицу земли, и подумалъ: настанетъ время, и мой прахъ смѣшается съ нею!

«По окончаніи стола, душе-прикащики распечатали духовную; покойница все имѣніе: въ домѣ, лавкахъ, деньгахъ и вещахъ, раздѣлила на четыре части; три назначила мнѣ, съ тѣмъ, чтобъ до совершеннолѣтія управляли ими Чистяковъ съ опекунами и отцомъ моимъ; четвертую часть отказала мужу, и чтобъ весь капиталъ находимся, по прежнему, въ оборотѣ, а доходы мы дѣлили по-ров-

пу. Она умоляла мужа любить меня, заботиться, въ случаѣ смерти, передать право родителя Чистякову, а по окончаніи траура соединить съ его дочерью.

«Завѣщаніе прочитали, отецъ нахмурилъ брови, и сказалъ довольно сухо: воля покойницы!— Поздравляю, Антонъ Ивановичъ! Вы полный хозяинъ, а я только прикащикъ,—и не стану вмѣшиваться въ ваши дѣла.... есть кому присмотрѣть! Впрочемъ, господа! отказанное женою точно моя собственность, приобрѣтена трудами.... посмотрите книги съ начала торговли?—Богъ съ нею!

«Чистяковъ вступился первый. — Съсѣдъ, какъ тебѣ не стыдно? Развѣ сынъ не твой?

«О мой! мой! отвѣчалъ отецъ улыбаясь—что-жъ дальше?

— Онъ останется въ полномъ твоёмъ распоряженіи; капиталъ пойдетъ въ ростъ, — а дѣла своимъ порядкомъ.

«Можетъ статья.—Только я увѣренъ, что два хозяина походятъ на двухъ цѣпныхъ собакъ, и за первую кость погрызутся порядкомъ.

«Помишки кончились въ настоящемъ видѣ; гости не жалѣли вина; одни съ пьяна плакали, другіе утѣшали, съ увѣреніемъ, что въ двадцатый и сороковой день не забудутъ помянуть покойницу; одинъ Чистяковъ сохранилъ благопристойность.—На вечеръ пригласилъ меня въ свой домъ, чтобъ разогнать нѣсколько печаль.—Маша вздумала подражать ему, и начала столь неудачно, что я къ горести почувствовалъ несносную скуку, и спѣшилъ возвратиться домой. Прекрасный мальчикъ дожидался. Милый Антоній! сказала Саша, обнимая меня; теперь все кончено—ты исполнилъ долгъ сына, оплакалъ добрую мать; теперь жестокою грусть покори чувствамъ тихой печали. Есть случаи, что и печаль служитъ утѣшеніемъ! Помни любезный пред-

метъ, проливай иногда слезы: онъ облегчатъ душу, и не предавайся излишней скорби. Саша судила по своему сердцу: она любила меня; Саша думала, что наружность человека есть зеркало души; скоро бѣдственный опытъ показалъ ей противное; скоро я забылъ совѣты любви и дружбы!... забылъ печаль, которую она умѣла произвести; получивъ новыя средства къ свободной жизни, стремился быстро къ пропасти, усѣянной на поверхности цвѣтами!

«На другой день духовная приведена въ исполненіе, разочтено имущество, и необходимая сумма для оборотовъ выдана опекунами отцу. Сначала онъ упрямялся, показывалъ видъ, что ни во что не хочетъ вмѣшиваться — и получать половину дохода изъ барышей; наконецъ согласился и дѣла пошли своимъ порядкомъ. — Я имѣлъ деньги, вещи, и не мѣшалъ въ производствѣ торговли.»

«Еще сутки я провелъ въ моей комнатѣ, и скука стала меня мучить, выпала изъ дому; первымъ посѣщеніемъ я подарилъ Сашу, вторымъ Туанету.»

«Отъ нея пошелъ къ князю. Что это, братецъ, ты нярядился въ флерезы? Кто изъ родственниковъ изволилъ отправиться на тотъ свѣтъ и улучшить твой туалетъ? Право, въ черномъ костюмѣ ты сталъ еще прекраснѣе и сведешь съ ума многихъ красавицъ!»

«Другъ мой! я лишился матери.»

— Матери? Жаль! А что она оставила тебѣ?

«Почти все имѣніе, и черезъ годъ, съ окончаніемъ опеки, я могу считаться въ числѣ богатыхъ людей!»

— Прекрасно! Вѣчная память покойницѣ! Поздравляю, милый мой Антоній! Теперь ты можешь удовлетворять всѣмъ своимъ желаніямъ.

«Напротивъ : — опекуны назначили мнѣ самую умѣренную сумму.»

— Эдакая бѣда! Честные ростовщики повѣрять на векселя; они имѣютъ удивительное чутье: не ошибаются, кому и когда услужить. Теперь я скажу новость: ты всему баронову семейству вскружилъ головы! красавицы безъ ума, и даже мечтательная Лаура вздыхаетъ о тебѣ! Побѣдемъ къ нимъ!

«Помилуй, князь! въ траурѣ ѣхать въ гости?»

— Разумѣется! солнечные лучи имѣютъ удареніе болѣе къ черному, и солнце дома барона; то есть, красавицы, обратятся къ тебѣ, и лучами прелестныхъ глазъ утѣшать горестъ богатаго наслѣдника.

«Другъ мой! я долженъ тебѣ признаться: баронессы не нравятся мнѣ, за исключеніемъ Лауры, а разность состояній препятствуетъ искать ея благосклонности; при томъ я люблю постоянно Сашу, никогда не оставлю»....

— Это забавно и походить на древнюю романтическую любовь. Кто жъ те-

бѣ говорить объ отставкѣ Саши? Она мила; пользуйся цвѣткомъ, пока не увянетъ и не наскучитъ; а между тѣмъ весьма глупо упускать другихъ красавицъ. Повѣрь, другъ мой! такіе случаи рѣдки: молодость, красота, ловкость въ мужчинѣ есть таланты, ими должно пользоваться; они исчезнутъ—оставятъ довольно времени для вѣрности, которую безъ нихъ удобнѣе сохранить. Напримѣръ: Лаура—разность состоянія не помѣха. Молодой прекрасный мужчина въ глазахъ дѣвицы болѣе значитъ, чѣмъ тощій господчикъ; одинъ имѣетъ все, а другой только имя и подагру приписать въ подарокъ своей любезной.

«Я согласился съ княземъ, и признаюсь, Лаура влекла меня къ себѣ.—Мы пріѣхали къ барону. Милостивыя государыни! началъ товарищъ дѣвицамъ, изумленнымъ отъ флерезовъ, милостивыя государыни! я привезъ къ вамъ печальнаго

Адониса. Опъ лишился матери, доброй нѣжной и пре-богатой; онъ требуетъ утѣшенія....

«Жалю сердечно! отвѣчала старшая баронесса.—Мы принимаемъ истинное участіе въ вашей потерѣ, употребимъ все, чтобъ разогнать горестъ. Я благодарилъ, и глазами искалъ Лауры; ее не случилось въ комнатѣ.

«Въ этотъ вечеръ общество собралось много-людное, хозяйки имѣли довольно занятія; князь принялся за карты; я, изъ благопристойности, не подражалъ ему, посмотрѣлъ около часа на игроковъ, вышелъ въ гостиную, отперъ дверь въ садъ; прекрасный вечеръ, чистый воздухъ, поселили во мнѣ желаніе прогуляться на свободѣ. Пройдя двѣ крытыя большія аллеи, я очутился въ густой рошѣ, и на деревянной скамейкѣ увидѣлъ женщину въ глубокой задумчивости; я подвинулся ближе, узналъ Лау-

ру; отъ шороху моихъ шаговъ она вздрогнула, обратилась, и съ удивленіемъ спросила:

—Вы въ глубокомъ траурѣ? Что это значитъ?

«На другой день нашего знакомства, я лишился матери.»

— Вы лишились матери, и пришли сюда?...

«Точно! Чему жъ тутъ удивляться?»

—Подлинно что нечему! отвѣчала дѣвица, принявъ значительный видъ. Послушайте, сударь! если-бъ съ такими случаями шутили, то ваша отвѣтъ я приняла-бъ за шутку, а какъ одежда служить доказательствомъ словъ, то мнѣ осталось пожалѣть и удалиться. Вы, конечно, пришли искать разсѣянія; шумное общество, карты, мои сестры въ томъ успѣютъ—а я, по моимъ чувствамъ и нраву, не могу утѣшить сына въ потерѣ матери; я могу только плакать, а

слезы умножают горестъ. Она встала, въ намѣреніи удалиться.

„Лаура! остановитесь! сказалъ я, пораженный стыдомъ и словами ея — я понималъ васъ совершенно и долженъ оправдаться: не блескъ общества, карточная игра, благосклонность вашихъ сестрицъ, привлекли меня въ это мѣсто, — приходъ мой имѣетъ совершенно противную цѣль; точно, мнѣ нужно разсѣяніе, тоска меня гонитъ изъ дому; въ немъ каждый предметъ напоминаетъ невозвратную потерю, я спѣшилъ сюда, не пользоваться забавами, спѣшилъ увидѣть Лауру. Въ первомъ свиданіи я замѣтилъ чувствительность, прелестную скромность, задумчивость; мнѣ показалось, что вы принимаете во мнѣ участіе; это очаровало меня — я спѣшилъ открыть мою горестъ, искать утѣшенія въ сердцѣ наполненномъ состраданіемъ!

„Лаура смотрѣла на меня пристально,

и печально; я взялъ бѣлую полную ручку ея, поцѣловалъ, и посадилъ съ собою.

— Молодой человекъ! вы такъ мало меня знаете, что не можете проникнуть въ мысли; наружность не всегда имѣетъ служить примѣтою! Если вы замѣтили мое участіе и заботливость, то не ошиблись — Всѣ, идущіе путемъ гибели, приводятъ меня въ сожалѣніе; я скорблю о нихъ, при возможности остерегаю, и къ несчастію, мало имѣю въ томъ успѣха. Признаюсь, ваша молодость, довѣрчивость и самая наружность произвели во мнѣ впечатлѣніе; я искала минуты сказать: берегитесь вашего друга; убѣгайте новыхъ, посмотрите со вниманіемъ на окружающіе предметы, и удалитесь изъ дому, гдѣ ищутъ вашей гибели! Я сказала слишкомъ много, не употребите во зло искренность мою!

„Мнѣ заплатитъ предательствомъ! Удалиться мѣсть, гдѣ обитаетъ Лаура? Нѣтъ, это превосходить мои силы. — Выслу-

шайте! Мысли ваши на счетъ князя не справедливы? Мы друзья—это доказано опытомъ. Познакомивъ съ семействомъ барона, онъ предупредилъ меня обо всемъ; относительно жъ новыхъ друзей, которыми здѣсь окруженъ, то эти друзья тщетно ищутъ довѣренности—хвалятъ въ глаза, превозносятъ ничтожныя достоинства, а заочно смѣются. Я могу увѣрить васъ: эти люди не опасны, и все, что могутъ произвести, выиграть нѣсколько денегъ: пустая потеря богатому человѣку! Первое мое посѣщеніе съ княземъ имѣло совсѣмъ различныя виды: онъ думалъ обыгрывать игроковъ, а я, согласно моимъ мѣтамъ, веселиться. Я увидѣлъ васъ и мысли мои измѣнились; шумное общество, забавы, свободное обращеніе баронессъ, потеряли въ глазахъ свою цѣну.—Я посѣтилъ вторично жилище, гдѣ карты, вино ставятъ сѣти, и посѣтилъ только для Лауры, для васъ казался игрокомъ, бросалъ золото, чтобъ

заслужить вниманіе барона, а съ нимъ получить свободу отыскивать благосклонность прелестной дѣвицы!

— Это походить на объявленіе любви, сказала съ усмѣшкою Лаура.—Вамъ вѣрно кажется, что вы меня любите?

«Кажется? Никогда слова не были столь справедливы! никогда сердце мое такъ не трепетало! Ахъ, Лаура! если вы не оскорблены искренностію, если Антоній не противень, то скажите—могу ли питать надежду во-взаимной.....»

— Очень можете; но эта матерія слишкомъ обширна; вы dokonчите ее въ другое время.—Она встала и не слушавъ меня болѣе, поспѣшно удалилась.

«Что это значить? думалъ я: насмѣшка, или помѣшательство ума? Какъ сообразить первое наше свиданіе! Въ немъ обнаруживалось участіе. Какъ сравнить за полчаса начатый разговоръ съ холоднымъ окончаніемъ? Она почти проговорила, и оставила меня поспѣшно! Ни-

когда я не чувствовал такой досады! Самолюбіе усилилось во мнѣ; страсть вѣтренной Туанеты, привязанность Саша, внушеніе друзей, поселили мысль, что никакая женщина или дѣвица не можетъ мнѣ противиться. Въ огорченіи я взялъ шляпу, вышелъ непримѣтно изъ дому, въ намѣреніи никогда болѣе не возвращаться.

«Нѣсколько дней я боролся съ собою; прелести Лауры, надежда одолѣть всѣ препятствія, влекли меня невольно въ мѣсто, гдѣ разумъ запрещалъ казаться; разумъ ослабъ, страсть восторжествовала; я снова посѣтилъ пагубный домъ, увидѣлъ Лауру.

«Два мѣсяца почти каждый день я посѣщалъ домъ барона, видѣлъ Лауру, не упускалъ случая твердить о любви, изыскивалъ всѣ средства проникнуть мысли странной дѣвицы и получалъ весьма ограниченные успѣхи; неудача меня раз-

дражала; я рѣшился, во что ни станетъ, овладѣть ею.

Въ одинъ вечеръ, бродивъ по саду, чтобъ встрѣтиться съ Лаурою, услышалъ женскій разговоръ въ довольно близкомъ разстояніи; я подошелъ осторожно, притаился въ чащѣ кустовъ, увидѣлъ двухъ баронессъ; онѣ сидѣли на скамейкѣ, я не проронилъ ни слова.

— Точно, Лелія! говорила старшая, мечтательная сестрица влюблена не на шутку, отвѣчаю въ томъ головой. Это превосходно! торжество наше свершится, Лаура не станетъ болѣе препятствовать забавамъ, не станетъ пожимать плечами, мѣшать на всякомъ шагу; она оставитъ добродѣтель и примется съ нами за—одно. Мы, въ свою очередь, прежде посмѣемся выборомъ въ обожатели купчика, потомъ одобримъ, и постепенно завлечемъ въ новыя интриги.—Правда, герой Лауры во всемъ превосходитъ нашихъ; молодецъ, прекрасенъ, ловокъ, бо-

гать; по счастливому выбору сестрицы, можно ошипать молодчика, и со временем номѣстить въ число нашихъ обожателей; не все жь одной пользоваться красавцемъ! Теперь употребимъ всѣ средства сблизить, устроить свиданіе, а если это не поможетъ, употребимъ невинную хитрость; въ такомъ случаѣ все позволено: мы заботимся объ выгодахъ дома и должны извлечь пользу отъ трутня, какова наша милая сестрица. Если предположеніе свершится въ полномъ смыслѣ, то мы порадуемъ батюшку; онъ подстержетъ любовниковъ, зашумитъ, станетъ проклинать дочь, бросится къ неопытному, оробѣвшему оболъстителю, заглушитъ словами о чести, мщеніи, и тому подобнымъ.

— Это прекрасно, отвѣчала Лелія, только безъ помощи князя, мы не успѣемъ. Антоній, кажется, не слишкомъ опытенъ, и не рѣшится на смѣлый поступокъ; онъ во всемъ вѣритъ другу. Въ часъ по по-

луночи я назначила ему свиданіе, князь согласится на мою просьбу, ободритъ товарища, и дѣло кончится по нашему желанію. Онѣ встали и пошли.

Представьте мое изумленіе, когда выслушалъ столь странный разговоръ, узналъ коварный замыселъ на счетъ Лауры и собственный. Мнѣ казалось весьма натуральнымъ, что въ этомъ порочномъ домѣ меня собирались ошипать какъ гуся, обобрать до нитки, сдѣлать по неволѣ обожателемъ; но предать на жертву родную сестру! Это превосходило мое понятіе. Если бь я имѣлъ разсудокъ и нѣсколько совѣсти, то конечно бь удалился изъ опасныхъ мѣстъ, гдѣ ищутъ моей гибели, оставилъ въ покоѣ невинную красавицу, и тѣмъ исполнилъ точную обязанность человѣка; напротивъ, я рѣшился пользоваться службою добрыхъ сестрицъ, получить прелестную Лауру и хитрость барона обратить въ ничто!

«Въ такомъ расположеніи мыслей, съ новою надеждою, я возвратился въ комнаты и подошелъ къ Лаурѣ. Баронессы притворились, что ни примѣчаютъ за нами, и оставили однихъ. Я спѣшилъ воспользоваться случаемъ, принялся съ жаромъ за обыкновенную матерію; клятвы, увѣренія и все, что можетъ чувствовать истинно влюбленный! Я истощалъ краснорѣчіе романовъ; признаюсь, въ этомъ наборѣ обдуманыхъ словъ сердце имѣло сильное участіе и увѣренность преодолѣть всѣ препятствія; я говорилъ около часу и увѣрился, что Лаура, не пылкая Туанета и не Саша: та въ полной увѣренности, съ любовью, бросилась въ мои объятія, въ нѣсколько часовъ вручила мнѣ судьбу своей жизни. Я умѣлъ въ неопытной дѣвицѣ поселить новыя чувства, и увѣрить, что страсть эта продолжится вѣчно! Напротивъ, баронесса слушала, отвѣчала шутками, ограничивала мои восторги—и вообще довольно су-

хо; я истощился въ бесполезныхъ увѣреніяхъ, оставилъ ее съ досадою, и въ ту же почти минуту выдумалъ новый планъ поколебать постоянное хладнокровіе дѣвицы, и разсердить.

«Я присталъ къ игрокамъ, началъ понтировать, замѣчалъ, какое произведетъ дѣйствіе поступокъ, противный ея совѣтамъ, и ставя съти дѣвицъ, самъ запутался въ нихъ: счастье мнѣ совершенно измѣнилось. Я проигралъ всѣ деньги, и тѣмъ лишаюсь возможности продолжать игру, ходилъ съ досадою по комнатѣ. Старый баронъ наблюдалъ мои движенія, подошелъ, взялъ за руку, спросилъ: Вы, кажется, скучны и сердиты? Пойдемте въ ту комнату; тамъ веселятся друзья мои, я васъ познакомлю съ ними.

«Человѣкъ десять сидѣли за большимъ круглымъ столомъ, установленнымъ бутылками и стаканами; они пили и разсуждали о различныхъ предметахъ. Старшая баронесса находилась съ ними; она

подала мнѣ полный стаканъ вина, просила выпить за ея здоровье; пріятели барона наливали въ свою очередь; начались тосты, и у меня сильно загремѣло въ головѣ.

«Вино произвело надо мною совсѣмъ противное дѣйствіе: прежде, выпивъ, я становился веселъ; а тутъ досада на Лауру, и проигрышъ—увеличили неудовольствіе и молчаливость.

— Вы не можете развеселиться? спросилъ баронъ. Конечно, сокровенная печаль согласна съ вашей одеждой?

«Ваша правда!...»

— Подите, займитесь музыкою или картами?

«Нѣтъ! это не разгонитъ моей досады. Я проигралъ бездѣлицу, не взявъ денегъ для продолженія игры—это бѣситъ меня!.....»

— Какъ вамъ не стыдно, любезнѣйшій другъ? Давно-бъ о томъ сказали? Въ моемъ домѣ вы имѣете полную довѣрен-

ность; здѣсь общество составлено изъ благородныхъ людей; наша обязанность вѣрить себѣ подобнымъ. Пойдемте! я покажу на опытѣ сколько васъ уважаю и дорожу знакомствомъ!—Онъ привелъ меня въ оставленную комнату: Господа! прошу играть съ молодымъ моимъ пріятелемъ. Онъ мало взялъ съ собою денегъ, я порукою: кажется, это достаточно?

— О!.. безъ сомнѣнія! отвѣчали нѣкоторые игроки. Господинъ баронъ всегда ручается за людей благородныхъ. Извольте, сударь! ставьте карты; мы вѣримъ одному вашему слову!

«Винные пары, похвала общества польстили моему самолюбію; въ часъ я спустилъ на честное слово пять сотъ рублей. Раздраженный неудачей, въ надеждѣ отыгратъ, я продолжалъ, удвоивалъ ставки и—вдругъ услышалъ голосъ Лауры; она сидѣла въ инструментальной комнатѣ, и очаровательнымъ голосомъ запѣла романсъ.

Цвѣтутъ вокругъ пропасти ужасной
 Душисты розы, цвѣты.
 Спѣшитъ къ нимъ юноша прекрасный,
 Спѣшитъ въ обманчивы кусты.

* * *

И вотъ онъ близко приступаетъ,
 Готовъ коснуться къ нимъ рукой;
 То видитъ другъ и восклицаетъ:
 Пришлецъ неопытный, стой!

* * *

Страшись, и къ розамъ не касайся:
 Тамъ гибель вѣрная твоя.
 Бѣги и во время спасайся—
 Въ кустахъ скрывается змѣя!

* * *

Но, ахъ! онъ воплю не внимаетъ!
 Свѣтъ скрытъ завѣсой на глазахъ,

Несчастный другъ мой погибаетъ—
 Змѣя и пропасть въ двухъ шагахъ!

* * *

«Голосъ Лауры и содержаніе романа
 относились ко мнѣ,—произвели невольное
 содроганіе; я проигралъ болѣе тысячи
 рублей—сумму, которую въ настоящемъ
 времени не могъ выплатить: я положилъ
 карты, оставилъ не допитый стаканъ
 вина, и просилъ разсчитаться; игроки
 примѣтно огорчились: они думали выиг-
 рать впятеро.

— Куда не у мѣста музыканты! сказалъ
 одинъ изъ гостей. Карты должны дви-
 гаться безъ музыки; у насъ дамы чин-
 но лежатъ на столѣ, а не поютъ. Намъ,
 право совѣстно; вы оканчиваете игру не-
 удачно; попытайтесь еще! Счастье мо-
 жетъ переимѣниться; мы не хотимъ васъ
 обыграть и воспользоваться унылой
 пѣсенькой: она пріятна для двоихъ, а

гдѣ четыре короля и столько же дамъ, приличнѣе веселая кадрили!

«Покорно благодарю, господа! я увѣренъ въ благородствѣ вашемъ! и скажу; не музыка, а вино, принуждаетъ освѣжиться нѣсколько воздухомъ. Я пойду въ садъ, и возвращусь. Проигрышъ весьма не значителенъ—и не стоитъ заботы. Потрудитесь, сочтите; я скоро заплачу.»

— Вы проиграли въ четку—ровно тысячу сто рублей.

«Очень хорошо! Баронъ порукою; это кажется, достаточно?»

— Безъ сомнѣнія для насъ, а.....

«Я не дослушалъ окончательныхъ словъ, вышелъ въ садъ, въ намѣреніи отыскать Лауру; вечеръ былъ темный, я ошупью пришелъ къ бесѣдкѣ, устроенной въ концѣ сада, сѣлъ на скамейку и вдругъ почувствовалъ сильную дурноту, расслабленіе членовъ; тяжесть и боль въ головѣ, произвели родъ забытія или припадокъ.»

«Не знаю сколько времени я находился въ безпамятствѣ, но представьте мое изумленіе, когда опомнился и почувствовалъ, что голова моя лежитъ на колынахъ женщины. Она плакала, поцѣлуи обсыпали мои уста, слезы капали на лицо и раскрытую грудь; нѣжная заботливость выражала ея чувства. Ахъ, Боже мой! произносила она! надо торопиться, позвать людей, помочь ему! но какъ открыть мое участіе?»

«Я опомнился совершенно, схватилъ, благотворительную руку..... О Лаура!—это ты! кто можетъ сострадать съ такою заботливостію! твои слезы, твои поцѣлуи, возвратили мнѣ чувства! ты любишь меня!....»

«Я только сожалею—отвѣчала дѣвица, поднявъ осторожно мою голову съ колынь своихъ. Антоній! ты огорчился на мнимую холодность мою; хотѣлъ отместить съ вредомъ своимъ, въ досадѣ пилъ, проигралъ значительную сумму, счаст-

ливый романсъ прервалъ твое заблужденіе—я прохаживалась въ саду, нечаянно вошла въ бесѣдку, увидѣла васъ въ болѣзненномъ припадкѣ—спѣшила помочь; я исполнила мой долгъ, и болѣе ничего. — Больше ничего? А твои слезы? поцѣлуй? Они отзываются въ душѣ моей! Лаура! доверши мое счастье! Повтори словами то, что случай открылъ нечаянно! Я прижалъ красавицу къ груди, и поцѣловалъ насильно.

«Лаура осердилась: вы вѣрно еще бредите и во зло употребляете мое усердіе? Перестаньте! такія привѣтствія неприличны! Вы теперь оправились, и можете показаться въ комнатахъ; надѣюсь, этотъ вечеръ оправдалъ мои совѣты и научилъ васъ осторожности. Она поспѣшно удалилась.

Какая дѣвица! любить, и хочетъ казаться равнодушною, заботливость сердца обращаетъ въ простую, обыкновенную чувствительность! открывъ сокро-

венныя мысли, думаетъ притвориться! О Лаура! ты моя! еще одно свиданіе, небольшая дерзость!... и все кончено! Такъ я думалъ и готовилъ благодарность дѣвицѣ, которая съ нѣжностію заботилась о счастіи моемъ!

Игроки по наружности казались въ спорѣ.. А, кстати вы пришли, любезнѣйшій другъ! сказалъ баронъ: здѣсь вышло по пословицѣ: въ семьѣ не безъ урода; вы проиграли тысячу сто рублей въ разныя руки. Я порукою отвѣчаю за васъ домою, всѣмъ имѣніемъ! а этотъ господинъ, котораго въ первый разъ имѣю честь видѣть, спорить; онъ взялъ весь долгъ на себя, и проситъ письменный документъ. Сдѣлайте одолженіе, дайте, ему какую нибудь записку. Это мнѣ обидно! трогаетъ честь! и только, избѣгая шума и непріятностей, прошу васъ, любезнѣйшій другъ, исполнить. и...

— Съ охотою, г-нъ баронъ! прикажите написать вексель, я подпишу, и чрезъ

шесть мѣсяцевъ онъ получить уплату съ процентами. Эта бездѣлица не должна разстроивать тишины и порядка въ домѣ, который слишкомъ уважаю. Вы извѣстны о моемъ состояніи: тысяча сто рублей для меня малость.

— Разумѣется, любезнѣйшій другъ! разумѣется! Не стыдно ли вамъ, сударь, оскорбить сомнѣніемъ моего пріятеля? Онъ имѣетъ благородный образъ мыслей, отличныя качества, да и самая наружность вынуждаетъ довѣріе.

— Всякій имѣетъ свои правила! отвѣчалъ игрокъ; я не думалъ оскорбить вашего знакома! картежный долгъ между благородными людьми считается закономъ, такъ почему жъ не дать ему письменное обязательство по формѣ? Вотъ, сударь, бумага! Я всегда ношу гербы въ запасъ для подобныхъ случаевъ! Не угодно ли потрудиться? Я стану диктовать: Тысяча сто рублей! кажется, вы напомнили о процентахъ?

— Точно! сколько вамъ угодно?...

— Бездѣлица! по десяти выйдетъ сто десять—если удвоить, двѣсти двадцать, прибавимъ еще малость, восемьдесятъ рублей: это вообще составитъ тысячу триста. Божусь! съ меня сдули въ трое!

Въ пять минутъ вексель заготовленъ, и подписанъ; баронъ пожалъ дружески мою руку, повелъ ужинать; за столомъ меня посадили между Лаурой и Леліей, а князя возлѣ послѣдней; я сталъ догадываться, что умыселъ приходитъ въ дѣйствіе; князь шепталъ подругѣ, а я своей сосѣдкѣ напѣвалъ разныя нѣжности, увѣрялъ, божился, иногда пожималъ полныя ручки красавицы; Лаура больше молчала, и только глазами выказывала досаду, что не можетъ вполне выразить свое неудовольствіе. Гости за столомъ шумѣли, спорили и не заботились о приличіи; я свободно продолжалъ мое краснорѣчіе, баронъ съ супру-

тою казались, будто не примѣчаютъ моихъ восторговъ, часто наливали вино; прежній чадъ еще не прошелъ, и новое стало производить скорое дѣйствіе. При всякой налитой рюмкѣ Лаура вздыхала, смотрѣла на меня съ горестію, упрекомъ и тихонько шепнула: Вы забыли, что случилось съ вами за два часа? Вы разстроите здоровье. Вторичный припадокъ опасенъ! — Она говорила отъ чистаго сердца, а я противопологалъ притворство, и съ окончаніемъ ужина, показывалъ видъ, что снова начинаю чувствовать дурноту, въ намѣреніи выманить ее въ садъ.

Гости оставили столъ, снова принялись за игру, а князь шепнулъ мнѣ: Другъ мой! выйди непримѣтно въ рощу, мнѣ нужна твоя помощь; ты услышишь тайну. Я исполнилъ желаніе товарища; онъ прибѣжалъ скоро: Антоній! несчастный мой проигрышъ замѣнился счастьемъ! Лелія назначила свиданіе въ

гротъ, онъ въ самомъ концѣ на правой рукѣ сада, близко бесѣдки; ты знаешь это мѣсто; сдѣлай одолженіе, посиди тамъ на всякій случай. — Пьяные гости бродятъ вездѣ, могутъ помѣшать и завлечь въ непріятность; я одинъ подвергнусь опасности, а съ такимъ товарищемъ, который побѣдилъ Тумакова, стану смѣло пользоваться счастьемъ, купленнымъ дорогою цѣной!

Я далъ слово, пошелъ въ бесѣдку, и по словамъ двухъ сестрицъ, зналъ содержаніе разговора; но мысль, что князь въ объятіяхъ Леліи торжествуетъ, вскружила мнѣ голову; я пустился по аллеямъ искать Лауру, вдругъ услышалъ шорохъ шаговъ; они имѣли направленіе къ бесѣдкѣ; предчувствіе меня не обмануло: я узналъ Лауру; мы вошли почти вмѣстѣ. — Милая дѣвица! я искалъ васъ, и счастливый случай свершилъ мои желанія! Ахъ, въ эту минуту позволь мнѣ повторить о пламенной страсти моей;

въ эту минуту повтори пѣжное участіе во мнѣ! Я видѣлъ тому опытъ: твои слезы омочили мои щеки, уста прикасались моимъ. Оставь несвойственное тебѣ притворство, скажи: Антоній! я люблю тебя! Я говорилъ и цѣловалъ ея руки.

Лаура со вздохомъ отвѣчала: Такъ, Антоній! я люблю тебя! и можетъ болѣе, чѣмъ должно!—Теперь выслушай! твоя любовь имѣетъ основаніемъ только случай, предубѣжденіе, что въ нашемъ домѣ добродѣтели, честь кладутъ на вѣсы, и тяжесть золота превышаетъ всѣ обязанности—въ этомъ оскорбительномъ мнѣніи ты посѣтилъ насъ; обращеніе моихъ сестеръ служило поводомъ думать и обо мнѣ подобно имъ—ты въ этомъ ошибся; разность правилъ и чувствъ, раздѣлили насъ совершенно! Я рѣшила съ не измѣнить добродѣтели. Весьма часто меня выставляютъ мечтательницей, полуумной; я смѣюсь тому, и пользуясь мни-

мымъ припадкомъ, отыскиваю случаи спасать неопытную молодость отъ разставленныхъ сѣтей; я увидѣла тебя, и, признаюсь, никогда съ такимъ стремленіемъ не спѣшила къ предмету моихъ желаній; твоя молодость, чистосердечіе меня поразили! Я думала: этотъ юноша въ цвѣтѣ лѣтъ, одаренъ щедро природою! лицо изображаетъ доброту, можетъ ли эта наружность скрывать коварство и искать порочныхъ наслажденій? Увлеченная мечтами, я не входила въ подробности, одно ли сожалѣніе влечетъ меня, и вдругъ новое чувство пробудилось во мнѣ. Съ ужасомъ стала испытывать себя; постигнула—и поздно! Я убѣгала страсти и она терзала меня; старалась ей противиться, и невольная сила влекла по слѣдамъ твоимъ! Вотъ, Антоній! состояніе сердца и тайна души моей! Не употреби во зло искренность дѣвицы, которая любитъ тебя—и кромѣ одной добродѣтели, вѣрности, ничего принести

не можетъ. Теперь клянись исполнить мое желаніе: удались изъ нашего дому. Я доставлю случай видѣться со мною скрытно. Если съ окончаніемъ траура, любовь твоя не измѣнится, то готова оставить родителей, все на свѣтѣ, и соединиться вѣчно съ тобою! Мнимая разность состояній не можетъ препятствовать: я ищу не титула, а человека; я ищу уголка, чтобъ на свободѣ оплакивать заблужденія родныхъ моихъ, и предаться въ объятія друга, котораго мнѣ сердце указало!

«О Лаура! вскричалъ я! тронутый до слезъ словами ея, зачѣмъ клятвы тому, кто одушевленъ твоею добродѣтелью? Покорность, вѣчная любовь стануть по-руками твоей воли!

Лаура сидѣла у меня на колѣнахъ, розовыя уста ея отвѣчали пламеннымъ поцѣлуямъ моимъ; полная ручка обвилаесь вокругъ моей шеи; въ эти минуты очарованія, я ласкалъ дѣвицу, и кромѣ не-

винныхъ ласкъ, не смѣлъ далѣе простирать мои желанія. Казалось, умъ и душа Лауры очищали порочную мою душу! Вдругъ раздался въ гротѣ женскій голосъ: Помогите! помогите!

— Ахъ, Боже мой! вскричала Лаура, это голосъ Леліи!....

— Бѣздѣльникъ! я заставлю тебя раскаиваться! произнесъ мужчина. Я узналъ голосъ князя и услышалъ шпажные удары.— Мой другъ въ опасности! должно бѣжать!....спасти!.....

— Ахъ, Антоній, не оставь сестру мою! Я слѣдую за тобою. Она хотѣла встать, и страхъ лишилъ ея силы; она опустилась на скамейку.

Не смотря на положеніе дѣвицы, я бросился къ товаришу; луна какъ будто нарочно проглянула въ эти минуты, я увидѣлъ ужасную картину: сестра Лауры лежала на землѣ, раненый князь, обливаясь кровію, стоялъ у дерева, защищался отъ трехъ убійць; шпаги зву-

комъ своимъ прерывали тишину почти, отголоски ударовъ вторило эхо; противники бились не произнося ни слова; казалось, нѣмая смерть переселилась въ концы шпагъ, и молча искала своей жертвы, и.....

— Пожаръ! пожаръ! раздались многіе голоса. Антонъ Ивановичъ, снявъ очки, схватилъ свою тетрадь, слушатели озирались на всѣ стороны. Розальмъ скоро услышалъ шумъ и крикъ людей. Погребщикъ вбѣжалъ въ погребъ и изстуженнымъ голосомъ кричалъ; Горимъ! горимъ! братцы, господа, спасите! выкатывайте бочки! Захарь! Василій! Оська! гдѣ вы? подмостки къ дверямъ скорѣй! огонь пробирается сюда—все сорить; сударики! вытаскивайте все, вотъ беритесь за эти. Ахъ, Боже мой! тутъ ромъ, коньякъ, только что привезены съ биржи, еще цѣльные, не разведены съ компанейскою водкою. Батюшки мой! вотъ мадера—вчера куплена, я не ус-

пѣлъ размѣщать ее съ кислымъ портвейномъ, и влить для крепости спирту. Ай ай! пропала моя голова. Это шато-марто, только что изъ медку сдѣлалъ—никто не узнаетъ примѣси... да что же вы стоите какъ пни? Вытаскивайте, спасайте пріятеля!

Антонъ Ивановичъ съ дружиною принялись за бочки, дѣло пошло своимъ порядкомъ, какъ вдругъ вбѣжала толпа людей и больше мѣшала чѣмъ приносила пользу. Розальмъ вышелъ изъ погреба съ осторожностію, чтобы не столкнуться съ кѣмъ нибудь и не подать случая къ странному происшествію; невидимку могли схватить въ толпѣ по осязанію онъ отошелъ, смотрѣлъ изъ дали, и догадывалъ, что внезапный пожаръ остановилъ на любопытномъ мѣстѣ повѣсти. Розальмъ, вспомнивъ о еяльномъ покровителѣ произнесъ: Мафусъ! Мафусъ! Тотъ мгновенно явился и спросилъ: Что тебѣ угодно?

— Прекрати пожаръ: ты однимъ словомъ можешь это свершить. Посмотри! погребщикъ въ отчаяніи, жена и трое дѣтей плачутъ. Мафусъ! спаси ихъ! или дай мнѣ возможность помочь несчастнымъ?

«Ты вѣрно забылъ вчерашній случай? Правда, правда, тащи меня скорѣй домой.»

— Покровитель мой! сказалъ воздушный путешественникъ, въ этотъ день я видѣлъ и слышалъ много, только весьма жалю, что повѣсть Антона Ивановича, прервалась внезапно; я желалъ съ нетерпѣніемъ дожидаться конца, и....

«Утромъ на столѣ ты увидишь печатную тетрадь и въ два приѣма удовлетворишь свое любопытство.»

— Развѣ повѣсть выпущена въ свѣтъ? «Нѣтъ! я отпечатаю въ аду! тамъ отличная типографія, дѣйствуетъ посредствомъ огненной машины; въ пять минутъ набираютъ листъ въ шестнадцатую долю

и почти безъ ошибокъ; не растягиваютъ строчекъ, берегаютъ бумагу, и лишнихъ экземпляровъ не печатаютъ. Корректурами у насъ нѣкоторые изъ бывшихъ вашихъ писателей; они, оставя этотъ міръ, читали въ аду свои творенія, скоро наскучили всѣмъ; страдальцы рѣшились лучше кипѣть въ смолѣ, чѣмъ ихъ слушать: тогда они добровольно принялись за корректуру: онѣ весьма злы на живыхъ и, по старой привычкѣ, готовятъ на всѣхъ писателей адскую сатиру. Прощай, Розальмъ, утромъ увидимся.

КОНЕЦЪ 2-й ЧАСТИ.